

жидкостей и 11) наблюдение явлений, происходящих при переходѣ воды отъ льда до пара, образующагося при кипѣніи.

Если въ намѣченное нашими коммерческими училищами будетъ проведено въ жизнь такъ умно и практично, какъ это

видно на описанномъ примѣрѣ съ естественнѣйшимъ въ Кокандскомъ училищѣ.—а проведено оно будетъ при поддержкѣ и любовномъ отношеніи къ нимъ общества,—то наша окраина въ будущемъ, несомнѣнно, обогатится рядомъ людей, которые не только не будутъ сидѣть на шеѣ у другихъ, но, наоборотъ, поведутъ многихъ за собою. Такіе люди намъ крайне нужны, ибо низа Туркестана обширна и тучна, но невоздѣлана, и она ждетъ своихъ пахарей.

И. Филипповъ.

Къ разграниченію участковъ въ полосу независимыхъ племенъ Индіи.

(По англійскимъ источникамъ.)

Волненія въ полосѣ независимыхъ племенъ въ 1908 году привели къ тѣмъ послѣдствіямъ, что въ непродолжительномъ времени англо индійское правительство намѣрено послать специальную разграничительную комиссію въ индускую полосу съ тѣмъ, чтобы окончательно

установить индо афганскую границу, а также границу между Индіей и полосой независимыхъ племенъ. Комиссію, во главѣ которой долженъ стоять пограничный индійскій комиссаръ, будетъ сопровождать большой конвой, составленный изъ различныхъ пограничныхъ племенъ, а также 50 человекъ индійскихъ кавалеристовъ. Съ своей стороны, эмиръ афганскій пошлетъ въ комиссію, также одного изъ своихъ офицеровъ въ сопровожденіи афганскихъ кавалерійскихъ солдатъ. Чтобы въ полосѣ независимыхъ племенъ не вспыхнуло какихъ либо осложненій бла-

годаря неправильному толкованію необходимости пребыванія въ ней европейцевъ и афганцевъ, эмиръ, съ одной стороны, а англо-индійское правительство, съ другой, разослали прокламаціи, въ которыхъ указывается, что бояться комиссіи нечего, такъ какъ цѣли у нея самыя миролюбивыя. Вместе съ тѣмъ эмиръ афганскій приказалъ своей пограничной стражѣ слѣдить за безопасностью комиссіи, какъ только она появится на индо афганской границѣ. Единственно противъ чего протестуетъ эмиръ афганскій—это противъ сборнаго пункта комиссіи въ городѣ Джелалабадѣ (между Пешаверомъ и Кабуломъ). Кроме того, эмиръ настоялъ, чтобы число топографовъ не превышало пяти человекъ и чтобы топографы эти были непременно туземцы и по возможности мусульмане. Въ общемъ эмиръ съ радостью согласился на разграниченіе, такъ какъ не установленная точно граница давала лишніе поводы къ недоразумѣніямъ между нимъ и индійскими властями.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ФИЗИОГНОМИКА.

Въ 1905 году въ № 2575 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* я помѣстилъ статью «Мусульманская энциклопедія», въ которой далъ краткій очеркъ персидской книги «Матля иль улумъ» (восходъ наукъ). Говоря вообще о примитивномъ развитіи мусульманскихъ наукъ и наивномъ взглядѣ на нихъ, а также о своеобразныхъ понятіяхъ воспитанія и образованія, я въ общихъ чертахъ коснулся въ этой статьѣ и физиогномики, которой авторъ «Матля-иль-улумъ» Маджмоли посвящаетъ цѣлую главу.

Недавно намаганскій сартъ профессоръ мадрасы «Домулла-Сарамскакъ» Мулла Дусахонъ Гиръ-Ходжаевъ перевелъ эту главу о физиогномикѣ на сартовскій языкъ и выпустилъ въ свѣтъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ

«Каяфать-уль-башаръ» (примѣты людей).

Въ виду небезынтересности этой отрасли знанія, продуктовъ многовѣкового опыта и народной мудрости, а также наивной простоты, съ которой она повѣствуетъ о своемъ предметѣ, считаю не лишнимъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что брошюры специально для народа аналогичнаго содержания часто стали появляться на книжномъ рынкѣ сартовъ.

Въ изложеніи я придерживаюсь перевода Ходжаева, такъ какъ этотъ переводъ, кромѣ тождественности съ персидскимъ финаломъ, имѣетъ еще и другое для насъ значеніе: въ немъ мударисъ изложилъ причины, побудившія его перевести и издать эту книжку, а также и вообще значеніе фязіогномики.

Исходя изъ того источника, что не всѣмъ доступна книга «Матля иль улумъ» на персидскомъ языкѣ, между тѣмъ польза отъ распознаванія человека по его признакамъ тѣла громадная, Ходжаевъ идетъ на помощь малообразованному классу тюрокъ мусульманъ и переводитъ эту главу.

Но главнымъ поводомъ, заставившимъ приступить его къ этой работѣ, онъ считаетъ громадную пользу отъ знанія фязіогномики. «По членамъ своего тѣла», говоритъ Ходжаевъ, «человѣкъ можетъ судить о своемъ характерѣ, видѣтъ свои недостатки, которые и будетъ стараться унничтожать, а также и замѣтить дефекты другихъ лицъ и тѣмъ избавится отъ знакомства и общенія съ дурными людьми».

Происхожденіе фязіогномики профессоръ Ходжаевъ производитъ съ древнѣйшихъ временъ и считаетъ ее достояніемъ философовъ, которые и создали эту науку благодаря долготѣтней практикѣ и учености. Въ подтвержденіе соравадливости предсказыванія по примѣтамъ людей, Ходжаевъ приводитъ нѣсколько фактическихъ данныхъ изъ исторіи знаменитыхъ людей мусульманства.

Въ одномъ изъ этихъ разсказовъ говорится о нѣкомъ философѣ (имени нѣтъ), спасавшемся отъ порочности людей на вершинѣ высочайшей горы. Къ подошвѣ горы мудрецъ приставилъ искуснаго художника, обязанность котораго была снимать портреты съ каждаго, кто хотѣлъ повидаться съ ученымъ, и пред-

ставлять ихъ по окончаніи на судъ философа. Ученый мужъ разсматривалъ эти рисунки, согласно фязіогномики, и если анализъ былъ неудовлетворителенъ, то проситель не допускался.

Однажды художникъ представилъ портретъ просителя, изъ тщательнаго изученія котораго мудрецъ вынесъ неблагопріятное впечатлѣніе объ оригиналѣ и отказалъ ему въ аудіенціи.

Обиженный проситель письменно заявилъ протестъ, ссылаясь на то, что хотя члены его тѣла, согласно фязіогномики, даютъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ плохомъ, но благодаря именно этой наукѣ онъ искоренилъ свои недостатки и мнѣніе философа неправильно. Въ послѣдующихъ бесѣдахъ мудреца съ этимъ просителемъ оказалось, что ученый былъ неправъ. «Такимъ образомъ», говоритъ Ходжаевъ, «посредствомъ этой науки можно совершенно исправиться».

Далѣе онъ приводитъ другой фактъ изъ жизни св. Джафара, который, путешествуя, встрѣтился съ однимъ человекомъ, примѣты котораго говорили не въ его пользу, но долженъ былъ согласиться на предложеніе погостать у незнакомца.

Лукавый хитрецъ до двухъ недѣль не выпускалъ Джафара, всячески развлекая и веселя его, а когда тотъ окончательно собрался въ дорогу, предъявилъ ему счетъ, равный тому имуществу, которое было при Джафарѣ. Свѣтому пришлось заплатить за неимѣніемъ денегъ всѣмъ, что у него было, и остаться голымъ и босымъ. Таково пренебреженіе знаніемъ фязіогномики!

Вотъ почему Ходжаевъ совѣтуетъ какъ можно тщательно изучать фязіогномику.

ку, посредством которой приблизительно можно «познать самого себя» и всячески искоренять худые пороки, хотя-бы на столько, чтобы худших не было больше лучших. Наличностью-же плохих признаков онъ просилъ не смущаться, такъ какъ Умаръ, будучи человекомъ высокимъ (высокій ростъ—признакъ глупости), былъ и великъ, а Али былъ низкимъ (признакъ душевной порочности), но былъ высокъ духомъ.

Введение и значеніе фязіогноміки написано высокопарнымъ слогомъ со множествомъ арабскихъ и персидскихъ словъ (авторъ хочетъ показать себя компетентнымъ въ этихъ языкахъ), а самое содержаніе перевода—довольно просто и изложено хорошимъ сартовскимъ литературнымъ языкомъ. Брошюры, въ обыкновенную четвертинку листа, содержатъ 23 страницы и продаются по 7 копеекъ за экземпляръ.

Содержаніе «Каяфать-уль башаръ» есть полное изложеніе примѣтъ, дающихъ судить человека по его членамъ о характерѣ, волѣ, умѣ, способностяхъ, начиная съ головы, лба, бровей и кончая пальцами ногъ. Признаки крайне явны, но не лишены остроумія и житейскаго опыта. Лучшимъ признакомъ считается пропорциональность чертъ—ни маленькій, ни большой, какъ и у насъ лучше всего—золотая середина. Описывая примѣты людей, авторъ Маджмоли подражаетъ здѣсь, конечно, и женщинъ, но иногда говоритъ и въ частности о примѣтахъ ихъ, особенно о страстности, признакомъ которой считаетъ наличность большого рта. Упомянувъ объ этомъ фактѣ, Маджмоли не удерживается, чтобы не предостеречь мусульманъ отъ такого зла и даже приводитъ текстъ охранной молитвы.

Голова большая и круглая съ частыми и твердыми волосами является признакомъ ума, прозорливости, доброты и щедрости и, наоборотъ, не только отсутствіемъ этихъ чертъ, но и прибавленіемъ глупости, невѣжества, извращенности.

Ровный широкій лобъ безъ морщинъ свидѣтельствуетъ о злопамятливости, лживости, гордости. Средній съ морщинами по срединѣ говоритъ о личности обладателя, какъ о человекѣ прямомъ, сравадивомъ, развитомъ и въ послѣдствіи о гатомъ. Узкій лобъ—примѣта безстыдства, грубости, трусости, бѣдствій и разврата. Морщина отъ виска по направленію къ глазамъ даетъ право судить о характерѣ невоздержанномъ, драчливомъ и меланхолическомъ. О морщинахъ авторъ говоритъ, что нѣкоторые утверждаютъ, будто каждая черточка на лбу показываетъ 10 лѣтъ чѣмъ больше морщинъ, тѣмъ старше человекъ.

Обладатель густыхъ, длинныхъ и жесткихъ бровей—твердый, гордецъ и самонадеянный. Сросшіяся брови—признакъ общественности, добросердечія и сластолюбія; у женщинъ-же—страстности. Среднія брови показываютъ о сообразительности, честности и благородствѣ. Брови, въ началѣ широкія, а къ концу утонченныя, даютъ впечатлѣніе о чертахъ характера, какъ о деракомъ и низкомъ. Высокія брови свидѣтельствуютъ объ отсутствіи большого ума и скромности; длинные волосы бровей—отзывчивости, храбрости, вспыльчивости.

Большіе черные глаза—качества слабости и безчестности и, наоборотъ,—легкости и малой сообразительности. Средніе—стыдливости, вѣрности. Глубоко впавшіе глаза тщеславія и порочности; нависшіе—безстыдства и скупости. Бѣгающіе и часто моргающіе глаза даютъ понятія о лживости, обманѣ и воровствѣ. Большіе ясные глаза даютъ право судить о долголѣтней жизни и силѣ; узкіе же глаза и голубого цвѣта—хитрости, обмана и разврата (у обманувшаго св. Джафара были такіе глаза) похожіе на глаза кошки—счастья и богатства.

Большія уши—доказательство наличности не только хорошихъ качествъ души, но и памяти и долголѣтія, иногда и вспыль-

чавости; наоборот—невѣжественности и грубости; среднія—развитія и счастья. Большія мясистыя мочки уха—черта будущаго богатства. Имѣющій маленький носъ—является человекомъ вѣтреннымъ и недалекимъ; обладатель же большого расплющенного носа съ широкими ноздрями бываетъ страстнаго и раздражительнаго темперамента. Кривой носъ признакъ порочной неустойчивости; большой орлиный носъ—богатства; средній прямой безъ изъясновъ—смиренности, ума; вздернутый—несчастій и бѣдности.

Мясистыя и толстыя губы—черта невѣжества и глупости, злобы и ненависти противъ другихъ; среднія же губы—способности и хорошихъ наклонностей; темный или сѣрый цвѣтъ губъ обрисовываетъ плохое и низкое происхожденіе; красный цвѣтъ наоборотъ,—хорошее происхожденіе и счастье; желтыя губы—болѣзни.

Мужественности и силѣ мужчинъ приписывается большой ротъ и наоборотъ; сластолюбіе и пылкій темпераментъ—женщинамъ, да избавить Богъ отъ этого.

Человѣкъ порочныхъ наклонностей имѣетъ крупныя и частыя зубы и наоборотъ—здоровье и безболѣзненность; ложь и клевета присущи людямъ съ кривыми и неровными зубами; счастье, правда и прямодушіе характера—людямъ съ ровными, нечастыми, средними зубами. Количество зубовъ съ 30 до 33—примѣта смѣтливости и богатства; меньше 30 зубовъ—характеризуетъ несчастія.

Счастливая жизнь и хорошій нравъ предрекается тому, кто имѣетъ красный языкъ и, наоборотъ, темный или желтаго цвѣта языкъ—черта сварливаго характера и жалкаго прозябанія.

У кого скулы худы и похожи на челюсти лошади, тотъ пользуется хорошимъ характеромъ; мясистыя скулы—знакъ невѣжества и гордости; среднія же облачаютъ умъ и сообразительность.

Короткая—шея признакъ хитрости, лжи; длинная и тонкая означаетъ прямодушіе, справедливость и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ.

Если на шеѣ есть морщина, то жизнь будетъ долголѣтная; двѣ—просвѣщенная и три—богатая.

Обладатель полного лица бываетъ слабованнымъ, забывчивымъ, необразованнымъ и сварливымъ; очень худое лицо желтаго цвѣта является примѣтой плохихъ желаній и привычекъ; средней полноты лицо—добраго нрава.

Умъ, сообразительность, дальновидность принадлежатъ рѣдкой бородкѣ; вдумчивость, терпѣніе—хвѣру приподнятой; невѣжественность и глупость—длинной и большой бородѣ; распухлость и безтолковость—густой бородѣ.

Худой и длинный затылокъ—признакъ зависти, худыхъ и порочныхъ желаній и, наоборотъ, жирный затылокъ—черта глупости и невѣжественности. Затылокъ, выросшій волосами, означаетъ бѣдность; средній и безъ волосъ—развитаго ума, богатства и милосердія.

Длинная и толстая въ подмышкахъ рука (до кисти)—знакъ счастья и богатства; длинная, но худая—бѣдности.

Удача и счастье принадлежатъ широкой и здоровой груди и наоборотъ.

Большіе соски—примѣта счастья и многосемейственности; соски же, изъ которыхъ одинъ больше другого, признакъ несчастія.

Глупость обуславливается большимъ животомъ; трезвый умъ, хорошія способности—среднимъ. Одна морщина на животѣ означаетъ, что обладатель его умретъ отъ меча; двѣ—зладоустраіе; три—просвѣщенность и развитіе.

Человѣкъ полного сложенія—сильный, храбрый и твердой воли; согнутое тѣло—сложеніе говоритъ о плохомъ характерѣ; вытянутое строеніе тѣла запечатлѣваетъ плохое происхожденіе; средній корпусъ—присутствіе большого счастья.

Красный цвѣтъ лица наводитъ на мысль о вспыльчивости и торопливости; сѣрый—на забывчивость; блѣдный съ румянцемъ—черта хорошаго происхожденія и добронравія. Румяный, но иногда

намятающийся въ темный, — говорить о порочныхъ наклонностяхъ; смуглый же цвѣтъ — знакъ правдивости, понятивости и благоденствія.

Обладатель мягкаго тѣла бываетъ смѣтливымъ, ловкимъ, аккуратнымъ и сердечнымъ; твердое тѣло свидѣтельствуетъ о силѣ, глупости и безтолковости; чистая и мягкая кожа даетъ хорошія привычки.

Грубые волосы на тѣлѣ — признакъ храбрости и молодчества; мягкіе — трусость; средніе — здоровой души и тѣла; сильная растительность на животѣ и груди изобличаетъ глупость; малая — мягкосердечіе и талантъ. Русые волосы — черта недалекаго ума; рыжіе — силы и безтолковости; средніе на ощупь и черные — ума и хорошихъ способностей.

Говорящій громкимъ и густымъ басомъ — человѣкъ сильный и нравственный; говорящій же въ носъ изобличаетъ въ себѣ гордость; плохой, неразвитой голосъ даетъ право судить о глупости; средній, чистый голосъ — примѣта ума и вѣрованія. Поспѣшная рѣчь говорить о низкомъ происхожденіи; разговоръ съ жестикующими — о сообразительности и способности.

Высокій ростъ — признакъ глупости; низкій — интригъ и клеветы; средній ростъ включаетъ щедрость и чистосердечіе. Мудрецы повѣствуютъ, говорить Маджмоли, что нормальный ростъ содержитъ 125 ладоней собственной руки; сверхъ этого или недочетъ свидѣтельствуетъ о недостаткахъ.

Кривая (кослапая) походка — черта непочтенія къ старшимъ; извилистая съ трясеніемъ живота и таза — разврата; поспѣшная — суровости и вспыльчивости; очень медленная — присутствіе грусти; средняя — хорошія черты души и тѣла; рѣдкая — невѣжества и дурости.

Богатство принадлежитъ обладателю здоровой полной кисти руки; ладонь красноватаго цвѣта — примѣта добродушія и чистосердечія; желтаго — распутности; бѣлаго и темнаго цвѣтовъ — несчастья;

среднее количество линий на ладони означаетъ счастье.

Длинные пальцы свидѣтельствуютъ о долготѣтней жизни; нѣжные и тонкіе пальчики — признакъ полнаго счастья; кривые кургузые пальцы — несчастій. При сжатіи пальцевъ оставшіеся промежутки между ними говорятъ о бѣдности и наоборотъ.

Человѣкъ съ розовыми ногтями обладаетъ будущностью ученаго, талантливостью, богатствомъ и щедростью; желтые или черные ногти придаютъ свойства равсѣянности, бѣдствій и несчастій.

Широкія бедра означаютъ сладострастіе; твердая съ малымъ количествомъ волосъ — богатство; толстыя бедра съ русыми волосами — примѣта всегда ходить въ шикомъ и быть бѣднымъ; длинныя — гордость и зависть; короткія — бѣдность и нечистоплотность; среднія — щедрость, храбрость и хорошая судьба.

Имѣющій мясистую голень будетъ богатъ; съ малой растительностью — отсутствіе дѣтей; голень одна больше другой — знакъ, что живущій въ власти большаго частью пройдетъ въ темницѣ; маленькія и круглыя голени — черта зажиточности; кривая и длинная голень — безчестія и бѣдности.

Средняя изысканная ступня — доказательство состоятельности; большая и изогнутая — бѣдности. Мясистая ступня, слѣдъ которой при ходьбѣ раздвигается и бываетъ большой, — примѣта вора.

Круглая средняя нога съ малой растительностью свидѣтельствуетъ о удачной жизни; длинная и кослапая — о бѣдствіяхъ; желтый или темный цвѣтъ ногъ — черта бездѣтства и разврата и наоборотъ — ума и богатства; низъ ногъ безъ морщинъ заключаетъ о продолженіи всей жизни цѣлѣмъ.

Длинные и тонкіе пальцы говорятъ о быстрой сообразительности и наоборотъ; пальцы, близко расположенные другъ къ другу, — хорошія качества души и далеко отстоящіе — равсѣянность. Громадная ве-

личина большого пальца свидетельствует о превратности судьбы; ногти пальцевъ желтого или темнаго цвѣта говорятъ о многихъ душевныхъ недостаткахъ и наоборотъ—чистые, бѣлые ногти—талантъ и счастье.

Этими примѣтами исчерпывается мусульманская фязіономика. Въ общихъ чертахъ она очень схожа съ нашими народными примѣтами. Все-таки, несмотря на большую наивность, здѣсь много и справедливыхъ чертъ. Вотъ почему сарты относятся къ ней съ большимъ довѣріемъ и въ жизни всегда прибѣгаютъ къ ея помощи. Григорій Андреевъ.

Печальная

дѣйствительность.

Недобрыя вѣста приходятъ изъ Персіи. Созданная съ такимъ трудомъ наша преобладающая торговля на сѣверѣ Ирана падаетъ съ каждымъ днемъ. А сколько усилий въ теченіе безконечнаго числа лѣтъ, сколько громадныхъ затратъ дѣлалось изъ единственнаго желанія закрѣпить за нами нашъ естественный, въ силу непосредственнаго соприкосновенія границъ, этотъ богатѣйшій рынокъ. Долгое время наше правительство затрачивало около 3 милліоновъ рублей, совершенно не возвращая ихъ, лишь-бы дать возможность персидскому населенію ознакоми-ться и привыкнуть къ нашимъ товарамъ и различнымъ продуктамъ. Вѣдь трудно себѣ даже представить, что хотя-бы одна изъ насущныхъ нашихъ потребностей—сахаръ, который мы покупаемъ у насъ, въ Россіи, чуть не по 20 коп. фунтъ, тамъ, на чужбинѣ, покупается всего лишь по 7 коп. за фунтъ. Созданіе учено-ссуднаго банка въ Тегеранѣ преслѣдовало исключительную цѣль развитія нашей торговли. Сильная борьба между Россіей и Англіей за сѣверъ Персіи окончилась въ нашу пользу. Какъ это

ни странно, но предприимчивые англичане имѣли сильное желаніе забить насъ своими товарами, идущими изъ Индіи по Нушки Сивистанскому пути черезъ всю почти Персію. И въ этомъ отношеніи они потерпѣли полное фіаско. Но говорить «немыгемъ, такъ катаньемъ». Потерпѣвъ неудачу, англичане разграничили сферы вліянія, они признали за нами преобладающее вліяніе въ Персіи и.. начали игру въ конституцію, эту ужасную для насъ игру, стоющую потери того, что послѣ долгихъ усилий мы пріобрѣли. И, какъ на грѣхъ, мы, вмѣсто того, чтобы выступить властно въ странѣ, находящейся въ сферѣ нашего вліянія, мы стали поддерживать эту игру. Мы сами начали травлю нашихъ офицеровъ, находящихся во главѣ персидской кавалерійской бригады, мы сами допустили полную анархію въ Азербейджанѣ и полный хаосъ во всей Персіи и мы совершенно забыли о цвѣтущей провинціи Хоросанѣ, мы забыли о Гилянѣ, Мавендеранѣ, сравнимыхъ англичанами съ богатѣйшей Индіей съ единственнымъ отступленіемъ только—отсутствіемъ пальмъ. Нашему положенію въ сѣверной Персіи завидовали всѣ державы. Кавалерійская бригада самими англичанами пріззавалась во много разъ выше туземныхъ индійскихъ войскъ. Престижъ Россіи былъ великъ, его не поколебала даже неудачная наша война съ Японіей. Но то, чего не могли сдѣлать англичане въ открытомъ бою, заставляя насъ драться съ японцами, то сдѣлала хитрая политика англійскихъ дипломатовъ. Мы попали на ихъ удочку и идемъ скорыми шагами къ пропасті. Вмѣсто несбыточныхъ идей о захватѣ Персидскаго залива, намъ слѣдовало думать только о сѣверной Персіи. Но... «что имѣемъ мы хранить» и еще печальнѣе, что, потерявши, не сознаемъ всего ужаса отъ потери нашего естественнаго богатѣйшаго рынка.

навѣрно, нашелся-бы не одинъ театраль-
ный предприниматель на это вѣрное дѣ-
ло, но, къ сожалѣнію, такого дома у насъ
нѣтъ, какъ, впрочемъ, нѣтъ и вообще
театра въ полномъ смыслѣ этого слова,
исключая лѣтняго, совсѣмъ не при-
способленнаго для цѣлей народнаго теат-
ра, да еще двухъ сценъ въ обществен-
номъ и коммерческомъ собраніяхъ, для
этой цѣли тоже не пригодныхъ.

Но какимъ же способомъ осуществить
идею возникновенія народнаго театра у
насъ? Казалось-бы, чего легче—взять да
и построить, но бѣда въ томъ, что
строить то его не на что, такъ какъ у
города нѣтъ денегъ, а деньги на это
нужны не маленькія. Поговаривали одно
время, что въ этомъ дѣлѣ хотѣлъ при-
йти на помощь городу Его Императорское
Высочество Великій Князь Николай
Константиновичъ, но разговоры, кажется,
такъ и остались разговорами. Стало быть,
съ этой точки зрѣнія къ дѣлу подходить
пока нельзя. Подобнымъ образомъ раз-
суждало по этому дѣлу и вновь возро-
дившееся наше Пушкинское общество на
последнемъ своемъ засѣданіи совмѣстно
съ представителями драматическаго
общества «Волна». Пушкинскому обще-
ству, какъ обществу просвѣтительному,
съ широкой въ этомъ смыслѣ програм-
мой, несомнѣнно вопросъ о народномъ
театрѣ ближе другихъ, и поэтому нѣтъ
ничего удивительнаго, что у новаго правле-
нія общества онъ и выплылъ наружу
въ числѣ первыхъ, будучи тѣсно свя-
занъ съ воскресными народными чтені-
ями. Но такъ какъ у общества этого
средствъ еще меньше, чѣмъ у города,
то широкими задачами въ этомъ смыслѣ
оно не стало и заниматься, а просто
признало желательнымъ снять театръ
бывшаго музикально-драматическаго
общества, какъ помѣщеніе вполне при-
годное для народныхъ чтеній и могущее
на первое время служить и народнымъ

театромъ, хотя, конечно, въ миниатюрѣ.
Но что дѣлать? Всякое большое дѣло
развивается всегда изъ маленькаго, была-
бы только къ нему любовь и недю-
жинная энергія близкихъ заправилъ. //

Итакъ, идея устройства у насъ на-
роднаго театра близка къ осуществле-
нію, надо не откладывать только ее
въ долгій ящикъ. Надо начать перегово-
ры о снятіи помѣщенія, испросивъ по-
собіе у города, которое, по своей незна-
чительности, не ляжетъ, конечно, особен-
но тяжелымъ бременемъ на городской
бюджетъ. Городская дума, надо надѣять-
ся, откликнется на это доброе дѣло, тѣмъ
болѣе, что теперешній городской голова
Н. Г. Маллицкій къ вопросу о возникнове-
ніи у насъ этого полезнаго учрежденія,
какъ мы слышали, относится съ боль-
шюю симпатіею.

Дѣйствуйте же, г.г. представители Пуш-
кинскаго общества, и не забывайте вели-
кія слова нашего великаго народнаго
поэта:

«Сдѣйте разумное, доброе, вѣчное!
Сдѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердеч-
ное русскій народъ...»

П. В.

Въ пескахъ Муюнъ-Кума.

Последніе оглеси заходящаго соли-
ца потухали вдаль, когда мы выѣхали
изъ урочища «Весь-Катынъ», «мужащаго
границей между полосой культурной зем-
ли и песками «Муюнъ Кума», и очути-
лись въ средѣ безконечныхъ бархановъ
песка. Нашъ путь лежалъ на сѣверъ къ
рѣкѣ Чу.

Всюду, куда ни хваталъ взоръ, прости-
рались желтыя громады песковъ. Каза-
лось, что за ближайшей горкой песка
опять откроется безпредѣльная, ровная,
зеленая степь, но за ней опять появля-
лись причудливые холмы песковъ.

Весна стояла дождливая, и раститель-
ность была богатая. Повсюду выдавлились
густыя заросли «джувгина» (гребенщика),
а въ ложбинахъ росла густая трава. Если-

бы не голые барханы, можно было — бы забыть, что находишься въ пескахъ, а не въ зеленой степи.

Весело чиркая предъ ночлегомъ, перелетали стаи жаворонковъ и какихъ-то сѣренъкихъ пичужекъ.

Изъ кустарниковъ то и дѣло выскакивали зайцы, и, оглядѣвъ тревожными глазами окрестность, стремительно пускались на ближайшую горку.

Еще видный слѣдъ «джалгыдъ аяга» (тропинки) шелъ долиной между двумя громадными цѣпами бархановъ. Холмы песковъ не давали возможности видѣть дальше сосѣдняго бархана и послѣ ровной, широкой степи, гдѣ за вѣсколко верстъ ясно обрисовывается каждый силуэтъ, всѣ эти громады, давили собою и сообщали чувство безпомощности и невольнаго уваженія къ могучей силѣ и прелести природы.

Насъ было четверо: я, и ѡ спутникъ*), джигать Умуртай, опытный, ловкій малый и проводникъ. Наканунъ былъ дождь и лошади бодро бѣжали по прибитому дождемъ песку. Наступали сумерки. Причудливо ложились на дорогу громадные блѣдныя тѣни отъ высокихъ бархановъ, и, сливаясь съ сосѣдними, еще болѣе отгѣняли вершины холмовъ. Казалось, что идешь по дну глубокаго моря...

— «Эй, тураларъ!»**) заговорилъ проводникъ, приземистый киргизъ съ узкими, быстрыми глазами, обращаясь къ намъ: «ночью ѣхать небезопасно — можно легко заблудиться. Здѣсь близко есть аулъ — тамъ переночуемъ».

Мы согласились. Черезъ четверть часа быстрой ѣзды неожиданно изъ подъ высокаго бархана вынырнулъ киргизскій аулъ — четыре кибитки. Невдалекѣ виденъ былъ колодезь съ водопоемъ; всюду бродили коровы, лошади; киргизки съ ребя-

тишками суетливо бѣгали и ловили агнать, чтобы привязать ихъ къ длинному, растянутому на двухъ кольяхъ, аркану: ожидалось стадо барановъ и киргизки приготовлялись къ доенью.

Изъ ближайшей юрты вышла женщина въ длинной рубахѣ, подпоясанной веревкой; грубое, бурое отъ загара и работы лицо съ сѣрыми большими глазами было открытое и мужественное, а высокій ростъ, плоская грудь и смѣлая походка дѣлали ее скорѣе похожей на мужчину, чѣмъ на женщину. Джигать подѣхалъ къ ней и что-то сказалъ.

— «Милости просимъ!» — громко загаворила киргизка мужскимъ голосомъ, открывая дверь кибитки. Мы слѣзали съ лошадей и, выходя въ юрту, поздоровались съ хозяйкой.

Юрта была небольшая, но опрятная, съ обыкновенной кочевой киргизской обстановкой. Пахло недавно заквашеннымъ «айраномъ»***). Хозяйка постлала

чистую кошму, накрыла одеялами и пригласила насъ присѣсть.

— «Сейчасъ пригонять сыновья барановъ, — начну доить и мнѣ будетъ некогда», сказала она. «Пусть вашъ джигать въ сосѣдней юртѣ поставитъ чайникъ — тамъ еще не прогорѣлъ огонь, — пусть выберетъ барана и зарѣжетъ».

Мы попросили ее не беспокоиться и отказались отъ барана.

Умуртай пошелъ кипятить чай; спутникъ же мой, страстный любитель природы, взобрался на ближайшій барханъ и любовался, какъ медленно подкрадывалась ночь и накрывала темнымъ покровомъ дальніе холмы.

Я прилегъ на кошмѣ у открытой двери. Съ сосѣдней горки бѣжало небольшое стадо овецъ, барановъ и козловъ, отгѣчая на жалобное, тонкое блеяніе привязанныхъ агнать. Стадо гнали два киргизенка въ возрастѣ 13—15 лѣтъ, сыновья нашей хозяйки. Вооружившись палкой, мужественная киргизка проворно швыря-

*) Мы оба были командированы въ песты Музъ-Кума въ 1907 году для изслѣдованія мѣстоахожденія отрожденія сарачи.

**) Господа.

***) Козье кислое молоко.

ла вовлѣ ягнать и отгоняла нѣжныхъ родителей-овецъ отъ голодныхъ дѣтей-ягнать. Двѣ дѣвочки лѣтъ 10—12 помогали ей. Жѣнщина затѣмъ бросила палку, ввѣла кубышку, замѣняющую дойникъ, и, приказавъ держать овцу за шею младшему сыну, присѣла на корточки около нея. Послышались своеобразные звуки бульканья молока.. Одна изъ дѣвочекъ по временамъ отвызывала маленькаго кудряваго барашка и приводила его къ матери; киргизка отрывалась отъ доенья, и дочь подпускала голоднаго ягненка...

Умуртай принесъ вскипѣвшій чайникъ, а хозяйка принесла свѣжаго, теплаго молока. Затѣмъ, разостлавъ на одѣялѣ грязное полотенце, поставила двѣ—три «пьялы» (чашки).

— «Хлѣба и сахара нѣтъ», обратилась киргизка ко мнѣ: «давно не ѣздила на базаръ, а послать некого—работница и одна. Сами мы сейчасъ больше айраномъ пробиваемся».

Стало совсѣмъ темно; накрапывалъ дождикъ. Киргизка зажгла маленькую, законченную лампочку безъ стекла съ толстымъ саломъ вмѣсто керосина. Тусклое, мерцающее пламя слабо освѣщало лишь ближайшіе предметы.

Около лампочки собралась вся семья киргизки; пришла проводникъ и Умуртай.

— «Далеко ѣдете?»—спросила хозяйка спутника.

— «Саранчу искать», смѣясь, отвѣтилъ тотъ.

— «Саранчу?»—повторила она. «Саранчу тамъ ищите», указала киргизка въ сторону степи, изъ которой мы только что выѣхали. «Здѣсь я родилась, выросла, вышла замужъ, овдовѣла, но ни когда не видѣла «чегершке» (саранчи). А вы русскій?»—обратилась она ко мнѣ.

— «Русскій», отвѣтилъ я.

— «А я принимала васъ за сарта или татяна. Впрочемъ, изъ «таксыровъ» теперь многіе хорошо говорятъ по-нашему. Вонъ

нашего писаря Паулбаи*) совсѣмъ нельзя отличить отъ киргиза; онъ даже двѣ жѣны имѣетъ изъ нашихъ жѣнщинъ».

Понемногу разговорились. Чай убрали. Пріятно было посидѣть послѣ быстрой, утомительной ѣзды.

Хозяйка присѣла около порога, подперла рукой лицо и заговорила. «Трудно жить одной бабѣ; вотъ уже третій годъ, какъ умеръ мужъ. Да, Богъ съ нимъ! Непутевый былъ: все бы только ему скачки, «кункаръ» (ковлодраніе), охота, да лежанье на боку, а хозяйство все я сама должна отпирать. Работниковъ нѣтъ, дѣти маленькія... Трудно было... А то, бывало, приведетъ компанію гостей. «Угощай!»—скажетъ. И каждому должна угодить, каждому сказать ласковое слово, а тутъ ноги отъ работы подламываются, на ходу спишь... Въ другой разъ напьется бузы—и ни за что поколотить... Все сносить должна, а если слово скажешь—до смерти изобьетъ, да еще пригрозитъ, что другую, молодую возьметъ... Утромъ лошадь осѣдлаешь, поѣсть приготовишь ему, а стадо не ждетъ: смотришь—ягнята все молоко высосали... Трудно. Да у кого изъ насъ они (мужья) лучше?»—сказала она, смахнувъ навстрѣчу слезы. «Когда же онъ умеръ, полгче стало. Дѣти подросли, помогаютъ. Сперва безъ мужа скучновато было, но теперь ничего, привыкла».

Помолчавъ немного, киргизка продолжала.

— «Сколько скандаловъ было между родственниками—всякій хотѣлъ на мнѣ жениться. Кажется, красоты никакой нѣтъ и лѣта большія, а сколько, вѣдь, сваталось... Да, ну ихъ!.. Ни за кого я не пошла... Не я имъ нужна, а мое хозяйство, дѣти. Сто десять барановъ имѣю, шестнадцать козловъ, двадцать три шту-

*, Павла.

ки рогатаго скота, три лошади, два верблюда, да вотъ эти пожитки съ юртой. Пробиваюсь, ничего, слава Богу... А выйди я замужъ, такъ сейчасъ же мужъ имущество отберетъ, а дочерей продастъ», мотнула она головой на двухъ дѣвочекъ, возившихся съ какимъ то грязнымъ тряпьемъ. Дѣвочки, видя, что онѣ привлекаютъ вниманіе, конфузливо спрятались за груды одѣяль, лежавшихъ на сундукахъ.

— «Чужія, вѣдь, были бы будущему мужу, ну и продалъ бы ихъ какому-нибудь старыку, чтобы калыму побольше взять: дѣвочки то красивыя. А сыновья должны были бы работать на него. Мнѣ тоже день и ночь пришлось бы работать да смотрѣть, какъ онъ будетъ любовничать съ другой, молодой, женой. Ну ихъ!..» — махнула она досадливо рукой.

— «Насильно, вѣдь, хотѣли взять меня, да спасибо волостному — помогъ. Оставили меня теперь въ покоѣ. Невнаю, продолжится. Пришлось отдать волостному пѣгаго жеребца, на которомъ мужъ такъ любилъ ѣздить. Первый скакунъ считался въ нашихъ пескахъ. Жалко мнѣ его», добавила она, вздохнувъ, «но хорошо, что въ покоѣ оставили».

— «Вотъ сына черезъ годъ женить буду», продолжала она: «хорошую невесту высватала и калымъ уже четвертый годъ плачу. Только плохо растеть онъ», показывая мать на старшаго сына, худощаваго, плохо развито для своихъ 15 лѣтъ мальчика. «За дочерей уже мнѣ калымъ сейчасъ платятъ — тоже люди хорошіе и молодые». Громкій лай и вой собакъ прервали ее разговоръ.

— «Опять волки», прислушиваясь, сказала хозяйка. «Недавно одного барана у меня варѣвали. Хотя собаки у меня хорошія, но волки перехитрили. На прошлой недѣлѣ они подкрались опять. Собаки подняли громкій лай. Встала я, взяла «кругъ»*)

*) Толстая, длинная палка съ пеглей на концѣ для ловли лошадей изъ табуна.

и вышла изъ юрты. Смотрю, мои собаки, — пять ихъ у меня, — окружили волка, зубы оскалили, рычатъ, а броситься боются. Усынула я, крикнула на нихъ, — и пошла схватка! Ухватилъ волкъ «Алсена»**) за глотку, а тотъ какъ завязжить... Не стерпѣла я: какъ ударю по головѣ волка — «кругъ» мой на двое и переломился... Жалко «яруга» — не достать вѣдь такого. Да и волкъ плоховѣкій былъ», указала она на шкуру волка, висѣвшую на стѣнкѣ юрты.

Лай все усиливался и перешелъ въ сплошной ревъ.

— «Да сходи ты. Иسمетъ!», крикнула киргизка сыну: «посмотри, что тамъ такое!»

Мальчакъ что то пробормоталъ и закрылся снова полой халата.

— «Жениться собираешься, а волковъ боишься», сурово упрекнула его мать, и, взявъ обломокъ толстаго «яруга», поднялась съ мѣста.

— «Постойте, я тоже пойду», сказалъ мой спутникъ, снимая винтовку съ «кереге» (рѣшетка юрты).

— «Не ходите, не ходите!» — гамахала руками женщина: «темно — волка не увидите, а собакъ моихъ перестрѣляете. Да и собаки у меня строгія — еще кинутся на васъ».

Спутникъ остался. Киргизка вышла. Послышался окликъ собакъ, усыканье, топотъ, бѣготня, визгъ...

«Убѣжал!» — смахивая капли дождя съ бешмета, заговорила хозяйка, входя въ юрту.

— «Боятся теперь подходить близко къ стаду, а сидятъ на ближнемъ холмѣ. Вотъ если-бы вы выстрѣлили изъ вашего ружья, то этимъ сильно поугадали бы волковъ. Боятся сви ружейнаго дыма», обратилась она къ спутнику.

Во мглѣ ночи прогремѣлъ выстрѣлъ... Лампочка догорала, усиленно мигая. Дѣти спали, да и хозяйка съ усиленіемъ открывала глаза. Мы отпустили ее.

Когда я проснулся, у хозяйки уже ки-

**) Имя собаки.

пѣлъ чайникъ, а въ котлѣ жарился «баурсакъ»***).

Утро было дождливое.

Мы наскоро напились чаю и сѣли на осѣдланыхъ лошадей, поблагодаривъ гостепріимную хозяйку.

— «Не за что благодарить», просто отвѣтила она. «На возвратномъ пути заѣзжайте—барана варѣжу!».

Мы общались.

Застоявшіяся, сытыя лошади сразу взяли крупной рысью.

— «Добрая, хозяйственная баба», говорилъ догнавшій насъ Умуртай, пряча оставшіяся «баурсакъ» въ «хурджумъ».

Мы ѣхали безъ дороги. До ближайшаго колодца—аула Джансая было шесть часовъ ѣзды.

Накрапывалъ дождь. Но какъ хорошъ весенній майскій дождь въ пескахъ! Прибитая дождемъ песчаная почва, мягкая подъ ногами, безъ предательскаго «скальзыванья», служащаго атрибутомъ глинистой, представляла лучшую въ природѣ дорогу, а рельефно выступающая яркая зеленъ зарослей гребенщика и высокой травы еще болѣе отбѣляла эти желтыя мертвыя громады песковъ и краснорѣчиво говорила о единственномъ источникѣ жизни песковъ—дождѣ.

Тишина была абсолютная.

Нахохлившіеся сидѣли жаворонки и сѣрыя пичужки подъ кустами, забавно отряхиваясь отъ капель дождя и носиками расправляя мокрыя перышки... Изрѣдка беззвучно мелькали по песку пятнистыя сѣрыя ящерицы и тотчасъ-же прятались въ сухія норки.

Мы ѣхали вразбродъ. Часто подъ громкое гиканье валетали наши кони на вершины бархановъ и предъ нами открывались новыя безчисленныя цѣпи холмовъ. Спустившись въ низины, топтали мы роскошную траву; пробирались черезъ колючія густыя заросли, спугивая прию-

***) Тѣсто, раскатанное маленькими шариками, прожаренное въ бараньемъ салѣ.

тившихся здѣсь зайцевъ и птичекъ. Но ваши поиски были напрасны—саранчи мы не находили...

Скоро безполезныя уклоненія въ сторону наскучили.

Мы взяли прямой путь къ ауламъ.

Умуртай и проводникъ, оставъ насъ, завели пѣсню. Рожденная въ пескахъ, взлелѣванная горячимъ солнцемъ, ласкаемая благодатнымъ дождемъ, закаленная вѣтрами, звонко, широко льется пѣсня изъ груди «песчанниковъ»-киргизъ.

Говорить она объ аулѣ посреди песковъ, колодецъ около юрты, молодой киргизкѣ, оплакивающей недавнюю разлуку съ милымъ...

Лошади, не видя на себѣ твердой руки сѣдоковъ, умѣрили рысь, часто наклоняя голову, чтобы схватить лакомую, зеленую травку...

Со всѣхъ концовъ неба надвигаются темныя, черныя тучи. Слышится эхо отдаленныхъ раскатовъ грома. Тучи все болѣе и болѣе чернѣютъ и сгущаются. Раскаты грома звучатъ все ближе и громче. Стало еще тише... Вдругъ съ далекаго бархана сорвался сильный вихрь и ринулся въ долину, по которой мы ѣхали. Но не въ силахъ онъ былъ поднять мокрый прибитый дождемъ песокъ и еще болѣе разъяренный съ удвоенной силой налетѣлъ онъ на кустарники и траву. Безпомощно гнулась и качалась вся эта зеленъ, за мгновеніе до этого находящаяся въ безмятежномъ покоѣ... Ударили крупныя капли дождя.

— Будетъ гроза,—кричалъ проводникъ, нагоняя насъ.

— Аулъ близко, скачите за мной!—и, ударивъ нагайкой лошадь, прыгнулъ къ ней шеѣ и поскакалъ. Мы за нимъ... Въ страшномъ вихрѣ бури, заглушаемой, какъ пушечными залпами, раскатами грома и въ шумномъ шлепаньѣ капель дождя о песокъ едва едва слышны были крики проводника «айда, айда!» (гоня).

Мы бросили поводья. Духъ захватыва-

ло отъ быстрой вѣды, а встрѣчный вѣтеръ съ дождемъ больно билъ въ лицо и пытался сбросить съ сѣдла... Съ вершины горки отырылся, наконецъ, аулъ—два юрты... Мы слѣзли съ мокрыхъ лошадей. Съ насъ бѣжали ручьи воды; капли скатывались съ фуражки и попадали подъ воротникъ... Огряхиваясь отъ дождя, вошли мы въ юрту. Съ обѣихъ сторонъ кибитки около ея краевъ стояли два молодыхъ киргиза и держа по аркану въ рукахъ, привязанному за

«чангарахъ»¹⁾, старались удерживать юрту, приподнимаемую сильными порывами вѣтра.

Посрединѣ юрты сидѣла неподвижно старуха. На наши привѣтствія она лишь немного приподняла голову и что то прошептала. Никогда не изгладится у меня изъ памяти это лицо! Въ каждой морщинѣ этой старушечьей фizioноміи свѣтилось какое-то особенное большое горе, а въ глазахъ таилась такая рѣзкая тоска, что на старушку нельзя было смотрѣть безъ содроганія...

Она плакала безъ слезъ... Грязный кусокъ полотна, замѣняющій ей головной уборъ, спалъ, обнаживъ совершенно сѣдую съ растрепанными волосами голову, а изъ нервно вздымающейся чахлой, старческой груди слышались особые, глухія всхлипыванья, болѣе похожія на ревъ, чѣмъ на плачь; все тѣло тряслось, какъ въ лихорадкѣ... Поразительная картина—олицетвореніе горя!... Мы съ удивленіемъ и участіемъ смотрѣли на нее... Я началъ осторожно расспрашивать.

— Чалымъ улыды! (старикъ умеръ),—отвѣтила, захлебываясь въ рыданіяхъ, старуха.

Я, какъ умѣлъ, утѣшалъ ее.—Всѣ мы умремъ, говорилъ я, на то воля Бога. Одинъ годомъ раньше, другіе позже...

Рыданья мало-по-малу стали смолкать. Старуха со вниманіемъ прислушивалась

¹⁾ Деревянный кругъ—потолокъ, куда вкладываются палки—стѣнки юрты.

къ моимъ словамъ и понемногу успокаивалась...

Умуртай, въ свою очередь, спрашивалъ молодыхъ киргизъ (сыновей старухи), когда умеръ старикъ и куда его повезли хоронить²⁾.

Я предложилъ киргизкѣ нѣсколько вопросовъ о покойникѣ. Она односложно отвѣчала, болѣзненно сосредоточившись на чемъ то другомъ; красные, воспали-

тые отъ частыхъ слезъ, глаза, не мигая, были устремлены куда-то вдаль... Я подумалъ, что она успокоилась...

Но вдругъ еще сильнѣе разразилась она громкимъ плачемъ, качаясь во всѣ стороны; крупныя слезы, смѣшиваясь съ каплями дождя, скатывались на мокрую кошму; сѣдые волосы трепалъ ворвавшийся вихрь...

— Чалымъ улыды, чалымъ улыды!..—стонала она.

Я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кибитки. Товарищи уже сѣдились на лошадей и безъ словъ поскакали.

— Бѣдная старуха!—говорилъ Умуртай, придерживая лошадь и смахивая навернувшіяся слезы...

Въ сторонкѣ ѣхалъ проводникъ и плакалъ.

Странно было смотрѣть на этого бородатого, чернаго отъ загара, приземистаго, какъ бы изъ камня выбитаго, киргиза, утиравшего грязной рукой крупныя слезы...

— Хорошій старикъ былъ,—говорилъ, всхлипывая, проводникъ,—ровесниками поженились они и сорокъ лѣтъ хорошо жили... Да не на долго, старушка переживетъ старика...

Гроза пронеслась... Издалека чуть слышно доносились удаляющіеся удары грома. Дождь пересталъ. Аулъ долженъ быть часа черезъ три. Подъ впечатлѣніемъ грустной картины, мы ѣхали молча,

²⁾ Въ пескахъ киргизы покойниковъ не хоронятъ, а везутъ въ степь и тамъ погребаютъ.

сосредоточившись въ себѣ...

Скоро стали видны стада барановъ, по холму бродилъ одиноко верблюды; сторонкой киргизы гнали табунъ кобылъ... Вотъ и аулъ. Какъ грознымъ крѣпостнымъ валомъ, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ показавшійся аулъ, живописно раскинувшись въ громадной, на нѣскольکو верстъ, низинѣ. Масса кибитокъ, похожихъ на копны сѣна послѣ косыбы, просторно раскинулись въ котловинѣ.

— Добрая ночевка будетъ,—сказалъ Умуртай. Здѣсь живетъ богатый старикъ—хорошо приметъ и барана варѣжетъ.

Мы послали его съ проводникомъ впередъ позаботиться о ночлегѣ, а сами поѣхали разспросить о саранчѣ къ дальнимъ кибиткамъ. Собаки, видя чужихъ, заливались отчаяннымъ лаемъ. Изъ юрты выходили киргизы и киргизки. У крайней кибитки стоялъ старикъ. Мы подѣхали къ нему; пошли привѣтствія, разспросы...

— А не видѣли ли вы вѣдь, отецъ, саранчи?—спросилъ его мой спутникъ.

— Чегертке не? (что за саранча). Кусъ ба, кайванъ ба? (птица или вѣбрь)—отвѣтилъ въ недоумѣніи растерявшійся старикъ.

Мы переглянулись, не удерживаясь громко засмѣялись, ударили нагайкой по лошадямъ и поскакали къ юртѣ, около которой стоялъ Умуртай, махая намъ шапкой...

Долго еще неподвижно стоялъ старикъ у юрты, смотря удивленными глазами намъ въ слѣдъ...

Бѣлая большая юрта была застлана новыми кошмами, коврами, одѣялами; по стѣнамъ ея красовались громадные занавѣси и ковры, опушенные по краямъ дорогимъ мѣхомъ и вышитые по срединѣ изящно-ватѣйливыми узорами; впереди стояли сундуки, обитые красивой жестию, а «кеджебе»³⁾ съ разными рисунками на переднихъ стѣнкахъ и наложенными на нихъ до верха грудями одѣялъ, ковровъ, говорили о зажиточности хозяевъ и на личности дѣвушекъ-невестъ, преданіе

которыхъ и составляло названное имущество съ ихъ собственноручными рукодѣліями—коврами.

Насъ привѣтствовала семья старшины—двѣ дочери невесты и двѣ его жены. Самого хозяина дома не было, онъ уѣхалъ на съѣздъ⁴⁾.

Посрединѣ юрты на треножники стоялъ большой котелъ, въ которомъ варилось мясо только что варѣннаго барана. Клубомъ вылеталъ пахучій паръ изъ кипѣвшей «шурпы», разжигая волчій аппетитъ...

Мы присѣли на кошмѣ, прислонившись усталой спиной къ сундукамъ.

Изъ открытой двери, какъ на ладони, видѣлся уже сиящій аулъ. Большими кругами лежали и стояли бараны съ гладкой, рубцами остриженной шерстью; коровы и телята лѣниво пережевывали неизмѣнную жвачку, устремивъ куда то тупые, неопредѣленные глаза... Голодные собаки, привлеченныя дымомъ готовящейся пищи, жалась къ кибиткамъ, поминутно просовывая лохматые головы въ дверь, но, получивъ грозный окликъ хозяекъ или шлепокъ не менѣе голоднаго мальчугана, скрывались, чтобы черезъ минуту возобновить неудачныя до сихъ поръ попытки...

Насъ занимала бесѣдой старшая жена старшины—ворчливая старуха, властно распоряжающаяся работницами и особенно младшей молодой женой своего мужа—блѣдной, худой еще плохо развитой дѣвочкой женщиной, лѣтъ 15, съ пріятнымъ, но уже поблекшимъ личикомъ и ватаежной тупой тоской въ глубокихъ, сѣрыхъ глазахъ.

— Это сдѣлай, то подай!—приказывала властно ей то и дѣло «байбече» (старшая жена).

4) Въ маѣ мужчины-киргизы рѣдко могутъ застать—говятъ на базарѣ скотъ, разѣвжаются на съѣзды. Вотъ почему во время нашей и вздмы мы встрѣчали лишь одѣхъ женщинъ.

³⁾ Деревянные ящики сундуки безъ жести, но съ цвѣтной рѣзбой.

Молодая женщина съ покорностью исполняла требованія строптивой старухи, почтительно вставая при разговорѣ съ ней. Терпѣливо сносила она и явное пренебреженіе старшей дочери старшины — высокой, широколицей, румяной, со смѣлыми, жгучими глазами дѣвушки.

Гордая красавица огрызалась и на строгіе оклики матери, лишь съ видимой суровостью обращающейся съ дочерью. Украдкой старуха останавливала глаза на любимца дочери, причемъ суровое выраженіе лица киргизки пропадало, замѣняясь тоскливо жалкимъ, а черезъ слезы горѣлъ взглядъ горячей материнской любви — дочь ея на дняхъ должна выйти замужъ за старика въ дальній аулъ...

— Кипить, кипить, скорѣй спускай тѣсто! кричала «байбече» Ирискуль (такъ звали младшую жену старшины), раскатывающую сочни.

Дѣвушки возились съ чайникомъ, изъ котораго бѣлымъ облачкомъ стелился горячій паръ, а изъ носка съ шипѣніемъ лилась въ огонь kloкочущая вода...

Разстелили скатерть, поставили мѣдный тазъ съ мясомъ и вареными сочными. Намъ, какъ почетнымъ гостямъ, предложили голову. Часто обносили молодымъ вкуснымъ кумызомъ; была и водка. Въ сторонкѣ ужинала мать съ дочерью, а Ирискуль возилась съ котлами... Ей отдали остатки и кости...

Послѣ «кульджитая», кумыза и водки лица у всѣхъ раскраснѣлись; выпитый крѣпкій кумызъ бросался въ голову и туманилъ глаза... Настроеніе изъ стѣснено-натянутаго перешло въ простое — давно знакомыхъ людей.

— Есть «чилима»? — спросила Гуль-кумъ⁵⁾ моего спутника, вертѣвшаго папи-

⁵⁾ Роза песковъ — такъ звали эту дѣвушку.

роску, обливая его снопомъ искръ черныхъ блестящихъ глазъ...

Мы разговорились, потягивая ароматный кумызъ... Гулькумъ взяла «думбру». На просьбы наши что-нибудь свѣтъ она коффузливо отпѣкивалась, кокетливо закрываясь длиннымъ рукавомъ. Наконецъ, она сдалась на наши просьбы, поввала младшую сестру съ нѣжнымъ личикомъ и кроткими мечтательными глазами и, взявъ твердый, громкій аккордъ на «думрѣ», тонкимъ, высокимъ дискантомъ ватынула:

«Ауль твой узналъ я.

«Стоитъ они въ пескахъ Муюна.

«Зи дальнимъ колодцемъ три бѣлыя юрты видѣлись...

«Неразъ я видѣлъ тамъ тебѣ»...

Дѣвушка съ мечтательными глазами подхватила пріятнымъ контральто и грустная пѣсня плавно полилась; звуки этой, трогательной по своей простотѣ и нѣжности, мелодіи звонко разносились по спящему аулу, тихо умирая за чернѣвшими холмами... Всѣ притихли, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ пѣснѣ. Грозная старуха печально опустила на грудь голову; Ирискуль тихо плакала, утираясь грязной полой рубашки...

«... Не хочу я жить съ старикомъ мужемъ,

«Лучше брошусь въ быструю Чу.

«Пусть мое мертвое тѣло

«Плыветъ къ живущему на ней милому»...

Сразу оборвала пѣсню Гулькумъ, далеко отбросила отъ себя «думбру» и заплакала, закрывъ лицо руками.

— Несчастная я дѣвушка — выдаютъ меня за противнаго дряхлаго старика, а у него еще двѣ отвратительныхъ старухи-жены...

— Не болтай! — крикнула на нее мать.

— А развѣ не правда? — кричала, вся дрожа, дѣвушка.

— Зачѣмъ отдаете за старика?

— Такъ отецъ порѣшилъ.

— Не отецъ, а калымъ богатый даетъ старикъ, а вы и рады продать... Не увезъ бы отецъ съ собой Джамансая, сбѣжала-бы я съ нимъ,—кричала внаглыво дѣвушка. Изъ сѣня черныя длинныя косы Гулькумъ расплелась и мелкою сѣтью рассыпались по плечамъ; ивъ подъ запахнувшагося сатинетоваго бешмета высоко выдмалась дѣвичья грудь; алымъ огнемъ горѣли гнѣвные глаза, и въ эту минуту грозно красивая какой то особенной дикой прелестью олицетворяла она собой гордую богавую песковъ...

— И буду я черезъ годъ такой же, какъ уже высохшій цвѣтокъ степи—несчастливая Ирискул!.. Проклятая доля киргизской дѣвушки!..—кричала она въ изступленіи.

Величавая, холодная до этого старуха мать, какъ бы согнулась вдвое и сдѣлалась какой то жалкой.

— Меня пожалѣй, несчастную!..—стонала она черезъ слезы, и, ухвативъ, на

ковецъ. Гулькумъ за руку, отвела въ дальній уголъ юрты, гдѣ дала ей холоднѣйшую воду...

Долго успокаивала она нервно-вздрагивающую отъ истеряки головку Гулькумъ, покоящуюся на ея колѣняхъ.—Не срами ты насъ съ отцомъ,—говорила мать.—Все, вѣдь, покончили и калымъ получили. Не захочешь выйти за старика,—засудить онъ насъ совсѣмъ и разорить догола...

— Незавяжу я дряхлаго старикашку,—дрожя, шептала Гулькумъ.

— Старикъ-то больше молодого будетъ тебя жалѣть, а любить Джамансая при мужѣ-старикѣ еще лучше... Вонъ твою сестренку за какого сѣорчка-мальчишку просватали; вѣдь, ничего—терпѣть... И меня почти ребенкомъ отдали старикъ, а у него старуха жена была—сколько горя я вывела!.. А теперь твой отецъ на старости лѣтъ молодую взялъ и на моихъ глазахъ любезничаетъ съ ней... Невольно вымещаю я на бѣдной Ирискулъ свою

ялобу. Знаю, что не заслуженно мучаю ее, но какъ вспомню, сколько я сама горя вывела, такъ тебя и подмываетъ выместить старыя страданья на комъ-нибудь... Такова судьба нашей сестры!.. Вытри глазки, свѣтикъ!—цѣловала старуха успокаивающуюся дочь.—вонъ гости на тебя смотрятъ—стыдись!.....

Сконфуженная, съ красными отъ слезъ глазами поднялась Гулькумъ съ колѣнъ матери и быстро юркнула изъ юрты...

Подошли еще нѣсколько дѣвушекъ и джигитовъ. Послышался смѣхъ, дѣвичьи визги, возня. Развеселившіяся дѣвушки отъ вылитого кумыза спѣли еще нѣсколько пѣсенъ, но уже веселыхъ.

Отъ недавней истерии Гулькумъ не осталось и слѣда... Насмѣшливо задирала она Умуртаю, скромно сидѣвшаго въ сторонкѣ, бросая на него жгучіе взоры...

Принесли еще два свѣжихъ турсука кумыза и бутылку водки.

— Наливай!—неестественно весело кричала Гулькумъ Умуртаю, подставляя пиялу.

Замѣтно дрожала рука джигита, лившаго кумызъ; жидкость не попадала въ чашку, разливаясь тонкими струйками по коврамъ.

— Настоящей наливай!—приказывала Гулькумъ, выливая кумызъ,—водки наливай! Волю пропиваю, жизнь дѣвичью хороню!... гордо врякнула она намъ.

Старуха ушла на покой.

Смѣхъ и визгъ еще болѣе усилились... Кумызъ лился рѣкой... Пѣсни не смолкали...

И вышелъ изъ юрты.

Милліардами звѣздъ смотрѣла на неба майская ночь... Блѣдный свѣтъ восходящей луны медленно серебрилъ дальніе холмы песковъ...

Около колодца что-то чернѣлось... Я тихо подошелъ, всталъ за близко стоящихъ къ колодцу коровъ и началъ прислушиваться. Изъ десяти-саженнаго глубокаго колодца доставала Ирискулъ воду

для завтрашняго утренняго водопою; ей помогать молодой «елкчи» (пастухъ) ея мужа. Медленно тянули они за длинный арканъ; слышно было, какъ отъ дружнхъ усилій переливалась вода черезъ край кожанаго ведра, ударяясь металлическимъ звономъ о дно колодца...

— Чирагымъ, карагымъ! (голубчикъ, милый!)—шептала Ирискуль, обнимая па-

стуха, отгвазывающаго арканъ отъ ведра. Бэвъ тебя жизни нѣтъ у меня... Да не такъ горячо цѣлуешь ты свою Ирискуль... Вижу, что часто поглядываешь ты на младшую дочь ховяина... Помни, милый, что съ твоей нымъной не одобровать тебѣ я моей разлучницѣ...

— Все тебѣ кажется, Ирискуль,—говорилъ молодой пастухъ, холодно отвѣчая на ласки киргизки.

— Весь свѣтъ въ тебѣ,—страстно шептала Ирискуль, пряча лицо на груди пастуха,—Хозяинъ-бы не замѣтитъ, а то выгнать тебя, а безъ твоихъ ласкъ я пропаду... Хотя и сильно досаждаютъ меня ревнивая старуха, да терплю я нвѣ за тебя—смекаетъ она, что люблю я тебя...

Холодный пастухъ, равнодушный, наконецъ, огнемъ ласки страстно любящей Ирискуль, звалъ ее за ближайшій холмъ...

— Оставь! опять скажетъ старуха, что повдно пришли,—шептала Ирискуль, отбаваясь отъ жаркихъ объятій джигита. Овъ, не оглядываясь, направился за холмъ...

Пугливо оглядѣлась Ирискуль по сторонамъ и стремительно бросилась вслѣдъ за молодымъ пастухомъ...

Когда я вошелъ въ кибитку, все уже было тако и слутникъ мой мирно похрапывалъ.

Въ сосѣдней юртѣ слышался странный шепотъ Гулькумъ...

Гр. Андреевъ.

Мусульманское законовѣдѣніе*).

Четыре источника мусульманскаго законовѣдѣнія.

Равсказовъ (хадисовъ) о словахъ и дѣйствіяхъ пророка ислама постепенно накопилось столь много и разбираться въ нихъ было такъ трудно, особенно въ виду недостоверности многихъ равсказовъ и взаимнаго противорѣчія, что явилась нужда собрать и подвергнуть критикѣ весь этотъ живой, но хаотическій матеріалъ. Грандіозный трудъ по собранію мусульманскихъ преданій во всѣхъ странахъ мусульманскаго міра выравился въ нѣсколькихъ сборникахъ, изъ которыхъ главными считаются:

1) *Аль-моватта* Малика Ибнъ Анаса (715—795 г.), 2) *Сахыхъ* Имамъ Мухаммеда Аль-Бухари ¹⁾ (810—870 г.), 3) сборникъ Муслима Нишапурскаго (817—815 г.), бывшаго ученикомъ Аль-Бухари, 4) *Аль-джаміи уль-Кябиръ* Абу Исы Тирмизи (†892 г.), другого ученика Аль-Бухари и др. Самыми авторитетными сборниками мусульманскихъ преданій считаются сборники Бухари и Муслима, которые извѣстны подъ общимъ именемъ *Два сахыхъ*. Чтобы судить о громадности труда, потраченнаго на составленіе сборниковъ преданій, нужно имѣть въ виду, что Аль-Бухари много лѣтъ путешествовалъ по мусульманскимъ странамъ и собралъ всего до 600 тысячъ отдѣльныхъ хадисовъ, но призналъ изъ нихъ достоверными только 7275, которые и внесъ въ свой «Сахыхъ», а Муслимъ изъ 300 тысячъ хадисовъ призналъ подлинными только 12 тысячъ. Собранные и обследованные преданія

*). См. ММ 29 и 35.

¹⁾ Имамъ Мухаммедъ извѣстенъ подъ именемъ «Бухари», какъ уроженецъ Бухары. Авторитета его въ знаніи преданій былъ такъ высокъ, что никто въ этомъ отношеніи съ нимъ не могъ сравняться (См. *Туркест. Вѣдом.* 1899 г. № 83).

Въ пескахъ Муюнъ-кума.

III.

Громаднымъ багрянымъ шаромъ медленно выползало изъ подъ дальняго высокаго бархана солнце, миллиардами блестяще красивыхъ искръ озаряло оно вершины холмовъ, золотило долины песковъ, радовало и оживляло пробудившійся день, и подъ живительные потоки томно вѣж-ныхъ утреннихъ лучей начиналась трудовая жизнь песковъ.

Киргизки уже стдоились и съ полными кубышками молока, клубящимися теплымъ паромъ, возвращались въ кибитки; жалобно блеяли крошечные ягнята, тыча уморительными мордочками въ вымя серьезныхъ матерей; жеребята звонко ржали и, какъ малыя дѣти, рѣзвились около пасущихся кобылицъ; «койчи» нагружали «дуеновъ» (трехъ-лѣтнихъ жеребятъ) турсуками съ «айраномъ» и торопливо выгоняли стада въ сосѣдную ложбину съ зеленой высокой травой; киргизы тщательно сѣдлаютъ лошадей, чтобы отправиться въ ближайшій аулъ, куда недавно возвратилась изъ «хаджа» старуха киргизка ихъ волости.

Медленно сушило влажный песокъ восходящее солнце, паръ бѣлой пеленой поднимался съ земли, окутывая темной дымкой холмы; черезъ него, точно черезъ рѣдкое сито, сѣялись, переломлялись иглы свѣта и отражали въ миниатюрѣ окрестность въ чистыхъ, какъ ивумрудъ, капляхъ росы, покоившихся на безмятежной листвѣ бустарника... Двѣ сѣрыя вѣтви сплелись клубкомъ, граціозно, «по вѣтвиному», вытягивая тонкія шейки, то,

спрятавъ ихъ въ глубь переплетшихся тѣлъ, замирая въ сладостной нѣгѣ...

Не видать вчерашней растерянности въ нашихъ давнишнихъ знакомкахъ «сѣренъкихъ пичужкахъ»—онѣ забрались на самыя верхушки кустовъ и съ задорно-гордымъ видомъ горланятъ крикливыми трелями гимны майскому раннему утру...

Умуртай сегодня постарался и выбралъ для насъ горячихъ, почти необъѣзжаныхъ лошадей. Красивые гордые скакуны, совсѣмъ не знающіе еще русской сѣдловки и посадки, то и дѣло вздымались на дыбы, шарахались въ стороны, неудержимо рвались впередъ...

Спутникъ желѣзной рукой сдерживалъ горячаго жеребца; блестящія удила его окрасились кровавой пѣной; глухо ржали скакуны; изъ-подъ нетерпѣливо бьющихся ногъ брызгами вылеталъ мокрый песокъ... Но вотъ, не въ силахъ больше сдерживать коня, опустил мой спутникъ поводья,—птицею взвился красавецъ-скакунъ и мигомъ скрылся за высокимъ барханомъ... Наши кони также неудержимо рванулись и помчались за товарищемъ. Быстро неслись скакуны по ровной, какъ скатерть, песчаной землѣ; «зайчиками» мелькали барханы, луга, кустарники и въ головокружительной бѣшеной скачкѣ сладостно-жутко сжималось и замирало сердце; казалось, что летишь на гигантскихъ крыльяхъ; жадно ловила грудь пронизываемый быстрымъ полетомъ воздухъ; невольно нагайка гуляла по упругимъ бокамъ скакуновъ, и было жутко и какъ-то легко...

Черезъ часъ отчаянной скачки наши лошади начали понемногу замедлять бѣгъ, постепенно переходя на рысь и, наконецъ, на шагъ... Паромъ клубились мо-

крыя тѣла коней, гордыя шеи склонились къ землѣ, изъ тяжело дышавшаго рта капала на песокъ кровавая пѣна...

Съ высокаго бархана завидѣлись цѣли темныхъ пятенъ—то рядъ озеръ: Каргаль-куль, Аягъ-куль, Аще-куль, Калганъ-куль...

Потянулись болотистыя низины съ осокой и мелкимъ камышемъ; бѣлыми громадными пятнами рельефно выступали на болотистой черной почвѣ соловчаки; нерѣдко подъ зеленой крышей водяныхъ зарослей и плѣсени пробивался родничекъ чистой холодной воды... Часто изъ подъ самыхъ ногъ взлетали красныя атайки, тяжело поднимая на воздухъ грузное тѣло, и оглашалась окрестность характернымъ, точно человѣческій стонъ, крикомъ... Камыши становились все выше, гуще и, наконецъ, совсѣмъ обступили насъ: куда ни хваталъ взоръ,—всюду разстилалось зеленое море тихо колеблющихся остроконечныхъ головокъ тростника... Дорога шла между двумя темными стѣнами зарослей; гибкіе стебли цѣплялись за платье и навойливо лѣзли въ лицо...

Но вотъ она повернула вправо и передъ глазами открылась зеркальная гладь песчаного озера.

Берега были низки, и прибрежные кустарники и камышъ росли въ самой водѣ. Въ чистой, какъ кристаллъ, водѣ отражалось золотисто-песчаное глубокое дно; зеленымъ бархатомъ причудливо вились узоры подводныхъ зарослей и съ быстро мелькающими темными силуэтами рыбъ дополняли сказочную прелесть песчаного озера...

Утки всевозможныхъ породъ, еще не отвѣдавшія человѣческой коварности, без-

боязненно плескались около берега съ желтыми выводками маленькихъ утятъ. На противоположномъ берегу, точно солдаты, выстроились правильными рядами журавли и, степенно опуская въ озеро длинныя клювы, пьютъ живительную влагу, далеко закидывая назадъ головы. Пестрыя дрофы совсѣмъ залѣзли въ озеро и замерли въ сладостномъ отдыхѣ... Черная аршинная щука притаилась около берега и, не шевелясь, терпѣливо выжидаетъ добычу...

Гулко прокатился по озеру выстрѣлъ, и все пернатое царство, водопоемъ котораго на сто верстъ въ окрестности служило озеро Каргаль-куль, заволновалось, зашумѣло, встрепелось, поднимая ужасную возню и крикъ... Безпомощно прятались утки въ рѣдкомъ прибрежномъ камышкѣ; низко надъ головами летали журавли и дрофы...

Долго еще тянулся густой камышъ; не разъ въ чащѣ его слышалась глухая возня—то кабаны выходили изъ ночныхъ берлогъ...

Но зарѣдѣлъ камышъ и опять потянулись заросли гребенщика. Между ними нерѣдко открывались красивыя полянки, чуть-чуть взборожденныя «омачемъ», съ небрежно брошенными на нихъ сѣменами проса, пшеницы, кукурузы; отъ заносовъ песками защищались онѣ глубокими рвами съ грудями песка по обѣимъ сторонамъ. Прimitивную обработку посѣвовъ достаточно дополняла богатая сила песчаной почвы и густо зеленѣли поля...

Гр. Андреевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ пескахъ Муюнъ-кума.

III.

(Продолженіе*).

Грустно становилось на душѣ за праздно лежащія богатства и безпечность киргиза; невольно вспоминалось трудолюбіе нашего финляндца, сосѣда-китайца, ихъ геройскую борьбу и побѣду надъ природой...

Дорога пошла опять камышемъ, и снова открывались дивныя картины песчаныхъ озеръ... Но вотъ оза стала шире, показался народъ—киргизки. Умуртай спрашивалъ ихъ. Ояѣ ѣхали въ тотъ же самый аулъ, куда направлялись и мы, чтобы принести поздравленія вчера возвратившійся изъ «хаджа» старухѣ Алтунъ-джонъ хаджи. Насъ также закидали вопросами...

Вотъ среди зелени кустарниковъ забѣлѣлись верхушки аула хаджи; всюду бродили осѣдланная лошади пріѣхавшихъ киргизъ и киргизокъ. Около открытой двери большой новой юрты толпились женщины, дѣвушки всѣхъ возрастовъ, съ замираніемъ сердца ожидая очереди, чтобы прикоснуться къ одеждѣ святой Алтунъ-джонъ-хаджи—первой хаджи на всю ихъ волость и даже участокъ.

На насъ неіріятно покосились, но дали дорогу пройти. Въ большой юртѣ, на коврѣ, окруженная почтенными старухами волости, сидѣла хаджи вся въ зеленомъ съ бѣлоснѣжнымъ головнымъ уборомъ, также повитымъ зеленымъ платкомъ. Средняго роста, лѣтъ подъ пятьдесятъ, полная, еще хорошо сохранив-

шаяся старуха, съ благородными чертами киргизскаго «ходжи»*), умными стальными глазами недоувѣрчиво смотрѣла на насъ; присутствующія здѣсь женщины, какъ насѣдки, насторожились, готовыя каждый мигъ кинуться на защиту дорогого птенца-хаджи. Умуртай уже повѣдалъ женщинамъ о нашемъ желаніи привѣтствовать хаджи.

Я протискался впередъ и заговорилъ, обращаясь къ хаджи: «намъ еще не приходилось видѣть хаджи изъ киргизскихъ женщинъ. Вотъ почему привѣтствуемъ васъ «байбиче ходжа», какъ первую киргизскую женщину, которая откинула всякій страхъ и съ тысячами трудностей рѣшилась посѣтить далекую родину пророка. Да будетъ это благимъ примѣромъ для всѣхъ вашихъ сестеръ и поможетъ вамъ въ этомъ Великій Богъ!»

— Рахмать, рахмать! (спасибо)—раздалось со всѣхъ сторонъ. Хаджи встала и, привѣтливо протягивая обѣ руки, отвѣтила черезъ слезы: «да будетъ благодарность вашему отцу»!..

Я уступилъ очередь моимъ спутникамъ. Последнимъ привѣтствовалъ хаджи нашъ новый проводникъ, старикъ, еще въ молодости хорошо знавшій Алтунъ-джонъ. Ояѣ упалъ на колѣни предъ ней и плакалъ, цѣлуя подолъ ея бешмета...

— Хаджи, хаджи!.. О, если бы мнѣ также побывать въ «хаджѣ»,—несвязно бормоталъ онъ.

Присутствующія здѣсь киргизки плакали, двѣ—три громко завывали и толпившійся народъ около кибитки, съ которой свяли всѣ чин и кошмы, оста-

*) У киргизъ—человѣкъ хорошей, наслѣдственной дворянской крови.

вивъ лишь «кереге», чтобы наблюдать совершающееся въ юртѣ, взыдалъ... И было что-то стихійно великое въ рыданіяхъ, толпы, холодило въ груди, спазмами сжималось, горло, слезы сама невольно текли, а на душѣ было какъ-то дѣтски—радостно...

Подняла Алтунъ-джонъ старика, прикоснулась лбомъ къ его лицу и сказала: «перестань, Бута¹⁾ плакать,—передъ Богомъ не грѣшны тѣ, которые изъ-за бѣдности не могутъ совершить «хаджъ»..

Долго еще продолжался пріемъ поздравленій; съ трепетомъ подходили киргизы и киргизки и въ глубокомъ уваженіи преклонялись предъ хаджи; многія плакали и просили благословить дѣтей; добровольныя пожертвованія на бѣлый платокъ хаджи лились широкой рѣкой...

Солнце уже замѣтно склонилось къ западу, когда безмятежный покой песковъ пронизалъ звонкій «аванъ сунны». Вста ла измученная отъ пріема хаджи и благоговѣнно склонилась въ «намазъ пѣшанъ»²⁾. Изъ двухсотъ присутствующихъ здѣсь женщинъ лишь пять присоединились къ хаджи; остальные, не зная молиться, замерли могильной тишиной въ нѣмомъ созерцаніи молящихся...

За «ашемъ»³⁾ и холоднымъ кумызомъ разговорились.—Много пришлось мнѣ пережить,—говорила Алтунъ-джонъ.—Силь-

¹⁾ Такъ звали проводника.

²⁾ Полудневная молитва.

³⁾ „Ашъ“ собственно — пища; у сартовъ исключительно пловъ; у киргизъ также употребляется въ этомъ смыслѣ, но лишь съ той разницей, что пловъ киргизъ скорѣе походитъ на кашу съ саломъ, такъ какъ готовится безъ моркови, жидкимъ и вмѣсто баранины кладется конина.

но заставляло меня призадуматься видѣнное на дорогѣ; на дѣлѣ убѣдилась я, какъ живутъ женщины другихъ народовъ, и сердце рывалось за дикое рабство нашихъ женщинъ и ихъ тѣлесную и душевную грязь... Поѣхала я въ «хаджъ» съ радостной душой, жаждая побывать въ родныхъ мѣстахъ Магомета, а возвратилась съ растерзанной. Съ малолѣтства я научилась читать, писать, молиться,—говорила, тяжело вздыхая, Алтунъ-джонъ,—а когда вышла замужъ, то много училось у меня нашихъ дѣвочекъ. Овдовѣла я на сороковомъ году и несмотря на многочисленныя сватовства на отрѣвъ отказалась отъ замужества, а сама открыла школу и учила дѣвочекъ вплоть до отъѣзда въ «хаджъ». Да что я одна могу сдѣлать на десять тысячъ дѣвушекъ нашей волости,—говорила Алтунъ-джонъ, безнадежно махнувъ рукой,—хотя, вѣдь, и слушаютъ онѣ меня, какъ святую...

И,—помолчавъ немного, продолжала:—по пути въ Мекку ѣхала вмѣстѣ со мной татарка—учительница изъ Россіи, учившаяся въ вашей школѣ. Много она давала мнѣ совѣтовъ, сколько правды открыла мнѣ!... И послѣ этихъ словъ глубоко задумалась Алтунъ-джонъ, низко склонивъ голову; благородное лицо стало совсемъ старымъ; тихій вѣтеръ игралъ съ дыми прядями волосъ, выбившихся изъ подъ зеленого платка...

Гр. Андреевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ пескахъ Муюнъ-кума.

III.

(Окончаніе*).

— Вѣдь, отърываются же школы русскими для нашихъ мальчиковъ,—внезапно рѣзко заговорила она,—почему-же не устраиваютъ такія школы съ учительницами для нашихъ дѣвочекъ—намъ вужнѣ женскія школы...

— Ой, хаджи, джонимт! джонимт! (душа),—прервалъ слова хаджи вопль какого то страннаго существа въ грязныхъ лохмотьяхъ.

— Оставьте меня! Я сама, сама допоздну до хаджи!—рычало странное существо—безногая старуха, старающаяся сама ползти, отбиваясь отъ помогающихъ ей киргизокъ... Столѣтнее лицо старухи уже отдавало запахомъ могилы, но глаза еще были молоды и горѣли какимъ-то дикимъ энтузіазмомъ... Въ страшныхъ кривляніяхъ, извиваясь, какъ червь, ползъ грязный комъ, путаясь въ собственныхъ отрѣпьяхъ, и, достигнувъ ногъ хаджи, замеръ въ безпредѣльномъ блаженствѣ...

Уже алой поволокой ватынулось солнце на ближнемъ высокомъ барханѣ, когда мы распрощались съ Алтунъ-джонъ и проводимые громкими напутствіями киргизовъ, двинулись въ дальнѣйшій путь.

Сгустившіяся тѣни отъ сплошнаго кустарника темнымъ узорнымъ ковромъ покрывали дорогу. Тянулось все время черное море кустовъ, лишь изрѣдка между ними бѣлыми шапками выступали горы песковъ; смирившіяся лошади бѣжали мѣрнымъ аллюромъ...

На полъ-пути догнали насъ два киргиза. Пошли обычные разпросы.

См. № 95 и 97.

— Ыздилъ въ Аулиеата продавать лошадей,—рассказывалъ одинъ изъ киргизъ, молодой, красивый старшина,—вотъ теперь возвращаемся съ товарищемъ обратно. А вы куда ѣдете? Мы сказали.

— Да это какъ разъ и есть мой аул!—вскричалъ обрадованный старшина.—Вотъ хорошо то, теперь вмѣстѣ поѣдемъ прямо ко мнѣ.

— Признаться, боюсь я показываться домой,—посмѣиваясь, болталъ веселый киргизъ.—На дорогѣ застрялъ я въ гостяхъ у молодой жены волостного, она дѣвушка нашего аула, и пробылъ тамъ два дня (самъ волостной сейчасъ въ Аулиеата), а жена у меня ревнивая—недавно женился я, и навѣрное все узнала. Ужъ и встрѣтила-бы она меня!—смѣялся старшина, а теперь я не боюсь: при «тураляровъ» она драться и ругаться не посмѣетъ!...

Широкими воротами раздвинулись густыя заросли гребенщика, открывая низкую ровную площадку съ колодцами и приютившимся около нихъ кибитками. Дружнымъ лаемъ встрѣтили насъ аульные собаки.

Старшина опередилъ насъ и, подѣхавъ къ одной изъ юртъ, закричалъ:—Саадат! а Саадат!

На зовъ выбѣжала жена старшины, молодая, здоровая киргизка, и, увидавъ мужа, схватила лежащій около юрты «кругъ»¹⁾ и съ крикомъ:—а, адрагалъ²⁾! кинулась на него...

Мы подогнали лошадей и внезапно предстали предъ воинственной женой

¹⁾ Длинная палка съ петлей на концѣ, употребляемая киргизами для ловли лошадей изъ табуна.

²⁾ Разбойникъ, злодѣй.

старшины; «кругъ» выпалъ изъ растерявшихся рукъ киргизки и она съ растеряннымъ видомъ и замершими словами на полукоткрытыхъ губахъ представляла курьезную картину...

— Чѣмъ-бы собакъ отогнать отъ «гураларовъ», а она на мужа съ палкой кидается!—говорилъ старшина, еле сдерживая смѣхъ; лучше-бы пошла скорѣй приготовляться къ ужину—«гураларъ» голодны, а я пойду выберу жирнаго барашка...

Саадатъ гнѣвно посмотрѣла на мужа и тихо шепча:—«а, адрагалъ!»—пошла готовить ужинъ...

Первая и самая опасная встрѣча прошла безъ бури...

На порогѣ юрты встрѣтила насъ мать старшины, худая старуха съ сердитымъ лицомъ.

Поздоровавшись съ ховяйкой, усѣлись мы на кошмѣ. Сынъ выкладывалъ предъ матерью новости базара и песковъ и вынулъ изъ «хурджума» купленные на базарѣ обновки:—вотъ это вамъ привезъ, мать!

И смягчилось суровое выраженіе старухи...

— А это тебѣ, Саадатъ!—говорилъ старшина, подавая женѣ нѣсколько кусковъ яркаго ситца, сатинета, коленкора и свертки чая и сахаромъ.

— И зачѣмъ было покупать—лучше-бы отдалъ женѣ волостного,—сердито процѣдила Саадатъ и, принявъ свертки съ покупками, не развертывая ихъ, бросила въ дальній уголъ «кеджебе».

Поступился сконфуженный старшина....

— А ты опять два дня пропадалъ у жены волостного?—сердито спросила его мать.

— Помните, мать, того сѣраго хромого мерина, что прошлой зимой продали урусу за 40 рублей?—сейчасъ же перебилъ ее хитрый старшина,—такъ вылечилъ урусь мерина, и онъ совсѣмъ не хромаетъ. Такая хорошая, красивая лошадь выправилась, что при мнѣ одинъ татаринъ 100 рублей давалъ, да не отдалъ урусь...

Старуха такъ и сплеснула руками:—да неужели правда?

— Пусть Богъ побьетъ меня, если я вру.—забожился старшина.

— Это ты все виноватъ!—кричала старуха,—продадимъ хромого, ну и продали!...

— Не вы-ли сами хотѣли зарѣзать мерина,—оправдывался старшина,—а вѣдь все таки за сорокъ рублей хромого продали, что-нибудь, да стоитъ....

— О, кайровъ атимъ! кайровъ-атимъ! (удивительная лошадь),—скала киргизка.

Саадатъ, видя, что всѣ заняты горячимъ споромъ, не замѣчая ее, достала изъ сундука обновки, съ ватаеннымъ любопытствомъ долго разглядывала ихъ, потомъ, боязливо оглядѣвшись по сторонамъ, вытерла ими раскраснѣвшееся лицо и, тяжело вздохнувъ, тщательно сложила ихъ и бережно положила въ ящикъ....

Послѣ сытнаго «кульджитая» и крѣпкаго холоднаго кумыза, истомленные за долгій майскій день неспяной впечатлѣній, легли мы на любовно разстеленный Саадатъ коверъ...

И черезъ сонъ долго еще слышны были вздохи старухи: кайровъ-атимъ, кайровъ-атимъ!... А гловный голосъ ревнивой Саадатъ уже лился любовно-нѣжной струей и «а, адрагалъ!» уже звучало горячѣй нѣгой страсти...

Гр. Андреевъ.

Въ пескахъ Муюнь-кума.

IV.

— Не ѣшьте мяса! сегодня день будетъ очень жаркій, и васъ будетъ томить жажда,—говорилъ Умуртай за утреннимъ завтракомъ.

До восхода солнца еще оставался часъ, но было уже какъ-то томительно душно, и чувствовалось приближеніе особенно жаркаго дня. Испушенные личнымъ опытомъ и предостереженіемъ многоиспытаннаго Умуртая, бросили мы мясо и пили лишь молоко и чай. Нашъ новый проводникъ—молодой, здоровенный дѣтина съ аппетитомъ молодого волченка скоро уничтожилъ груды вчерашней баранины и бѣлыми, какъ кипень, зубами глодалъ и грызъ до чиста кости...

Мы тронулись въ путь.

Опять потянулись безконечныя гряды песковъ съ зелеными густыми зарослями. Все та-же природа, всѣ тѣ-же пейзажи...

Изъ пламени востока, какъ капля дождя, брызнули первые утренніе лучи и, рѣжа нестерпимо глаза, расплылись по сѣрымъ барханамъ, искрась и играя на золотистыхъ песчанкахъ...

Стало значительно жарче.

Черезъ полотно нашихъ блузъ проносились жгучіе лучи и обжигали спины. Мы одѣлись въ теплыя тужурки, а Умуртай и проводникъ сверхъ-ватныхъ бешметовъ накинули еще халаты изъ армячины...

Уже къ полудню пустыня дышала пекломъ огнедышащаго вулкана. Лучи солнца, словно потоки лавы, пролизывали небъятное сѣрое пространство, зажигая песокъ, и бѣлый паръ вдали, какъ дымъ отъ большого пожара, накрывалъ стонушую отъ жара пустыню..

Расплавленное золото лучей дождемъ падало на кусты и траву, томно склонившіеся подъ адскими ласками, и сочные листья, точно губки красавицы-одалиски, обжегшіеся въ бѣшеной нѣгѣ, увядали, печально склоняясь долу...

Все живое попряталось въ норы и укромныя тѣнистыя мѣстечки...

А пустыня все разгоралась сильнѣе и сильнѣе подъ жгучимъ напоромъ лучей, раскидалась обезсиленная, томясь, словно жрица любви, замерла она въ нѣмомъ созерцаніи страсти, бездыханная, скованная пламенными цѣпями страсти...

Горитъ степь... Нестерпимымъ зноемъ дышитъ накалившейся песокъ. Ни вѣтерка, ни звука... Вымерло все... А вдали, отражаясь отъ горячихъ бархановъ, сверкаютъ, переливаются, мигаютъ нити свѣта и, какъ свѣтлячки, на мигъ озаряютъ пустыню бѣлымъ заревомъ.

И кажется, что ѣдешь по накаленному до красна полу громадной печи, что стѣны ея давятъ и сушатъ твою кровь, а потолокъ клещами огненной петли душитъ тебя и задыхаешься, томишься, словно въ желѣзномъ, до бѣла нагрѣтомъ, гробу...

Сушатъ пламенные стрѣлы лучей мысли, желанья, парализуютъ движенія, гу-

бы трескаются, выступает кровь, но сейчас же запекается черными рубцами; застыла гортань, мучительно больно глотать и самъ пылаешь, точно горящая нефтяная копъ...

Скоро отъ большого турсука и трехъ бутылокъ съ водой не осталось ни росинки... Наступило мучительное томленіе жажды...

До аула-колодца «Бесъ кудукъ» оставалось еще пять часовъ тьмы.

Лошадь нашего молодого проводника начала значительно отставать и, вытянувъ длинную шею, едва едва переступала ногами... Хозяинъ ея давно слѣзъ и, мучимый, въдобавокъ, сильной жаждой, подгонялъ ее свади, а Умуртай впереди тащилъ за поводъ. Скоро и послѣ такой помощи она совсѣмъ встала.

— Скверное дѣло!—сказалъ Умуртай. Лошаденка дальше не пойдетъ, а ѣхать нужно,—вѣдь, вѣдь съ жажды помрешь...

Рѣшила пустить лошадей въ кустарники, между корнями котораго росла трава, и онѣ могли немного подрѣзаться, а сами мы залѣзли въ самую чащу зарослей... Здѣсь было такъ душно, что грудь разрывалась отъ стѣсненнаго дыханья...

Вдругъ вдали сѣрой стѣной поднялась на холмѣ песочная пыль и движимая невидимой силой завертѣлась на мѣстѣ, какъ волчекъ, пущенный ловкой рукой, поднимаясь все выше и выше, и, подхваченная откуда-то налетѣвшимъ вихремъ, мигомъ понеслась съ бархана внизъ и гдѣ-то далеко-далеко расплылась туманнымъ высокимъ столбомъ... За ней со

всѣхъ сторонъ стали подниматься волны песку и гонимая могучей рукой все усиливавшегося вѣтра, срывая съ груди бархановъ сѣрый оилоть, сказочнымъ богатствомъ перебрасывались въ долины, низины и вырастали въ ровныхъ долинахъ причудливо-намѣщавныя горки, а тупыя вершины падали къ ногамъ возвышающихся ложбинъ и разносились сѣрымъ дождемъ по пустынѣ... Скоро волны песочнаго моря долетѣли до насъ, съ шумомъ ударяясь въ сплошную сѣть кустарника, но сдерживаемыя трепетно волнующейся зеленой преградой, бѣшено завертѣлись въ безплодной влобѣ и въ мигъ намели предъ зарослями громадный барханъ... И брызги песочныя перелетали черезъ сугробы холмовъ и куполы зарослей, темной завѣсой окутывая воздухъ, пудря зеленью листья и назойливо забивались въ ротъ и носъ, еще болѣе затрудняя дыханіе... Громко стонала пустыня подъ разрушительной силой прошивающаго, на волѣ песочнаго пространства гуляющаго вѣтра; солнце отъ пыли не было видно и было темно, какъ ненастная ночью на сельскомъ кладбищѣ... Страшные минуты... уже у нѣкоторыхъ изъ насъ показалась горломъ кровь.....

Гр. Анд реевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ пескахъ Муюнь-кума.

IV.

(Продолженіе*).

Но вотъ рванулся вѣтеръ съ другой стороны и съ визгомъ и громомъ понесся на дальніе холмы, заметая слѣды темнымъ облакомъ и въ мигъ стянуль въ пространствѣ...

И снова замерла пустыня въ пламенномъ безмятежномъ снѣ...

Послѣ продолжительнаго отдыха наши лошади пошли значительно бодрѣе, а клячечка проводника теперь плелась безъ понуканій. Только несчастный киргизъ уже не сидѣлъ на своемъ одрѣ, а шелъ около него, печально понутивъ голову... Предостереженія наши не вѣсть утромъ баранины не прошли для него даромъ: бѣднягу мучительно томила ужасная жажда...

Молодое цвѣтущее лицо проводника какъ будто обуглилось, носъ заострился, а широко раскрытые глаза почти вышли изъ орбитъ и изъ черныхъ превратились въ желтые, мигая какими-то особенно синими огоньками...

И кидался несчастный на землю, судорожно раздирая грудь руками, и рыча точно голодная собака, то стремительно бросался впередъ и снова падалъ и хрипло рычалъ: «Худай, су!» (Богъ, водъ!)

См. № 101.

У насъ не было ни капли воды, чтобы облегчить муки несчастнаго киргиза... Силой усадили мы его на одну изъ нашихъ лошадей и, ударивъ ихъ нагайками, быстро погнали впередъ. Такъ продолжалось съ часъ.

— Пустите, пустите! — опять бѣсновался проводникъ, выбиваясь изъ крѣпко державшихъ его рукъ, — дайте мнѣ бѣжать самому — мнѣ такъ легче... И, соскочивъ съ лошади, какъ яйцо псковъ, прыгалъ онъ съ бархана на барханъ, останавливаясь, рвалъ на себѣ халатъ и вдругъ, савативъ себя за руку, впился въ нее зубами и жадно началъ сосать собственную кровь... Дико взвизгнувъ Умуртай и, какъ раненый звѣрь, ринулся на него змѣей взвилась тонкая нагайка по обнаженнымъ плечамъ проводника; и брызнула красной росою на песокъ кровь... Невыносимая боль пересилила минутное бѣшенство киргиза, онъ бросилъ руку, зарычалъ и кинулся впередъ, оставляя на пескѣ кровавые слѣды...

Но вотъ онъ остановился и замеръ на мѣстѣ, какъ коршунъ, готовящійся на летѣть на добычу... Такъ прошелъ мигъ. И потомъ, безшумно крадучись, повернулъ назадъ киргизъ, подбѣжавъ къ намъ, схватилъ моего спутника, вооруженнаго винтовкой, за руку и, показывая на сидѣвшаго около кустика зайца, умоляюще чуть, слышно, прошепталъ: «убей! убей!»...

Словно трескъ сухого дерева, раздался выстрѣлъ и залць, смѣшно подпрыгнувъ на мѣстѣ, какъ будто играя, нервно забилъ ножками о песокъ...

Бѣшенымъ волкомъ налетѣлъ на зайца киргизъ, схватилъ его двумя руками и кровожаднымъ вампиромъ впился острыми, какъ игла, зубами въ горло еще бьющейся въ агоніяхъ живой жертвы.. Долго не отрывался онъ отъ зайца; кровь несчастнаго звѣрька, смѣшиваясь съ вывалившимися внутренностями, облѣпила его лицъ, руки, одежду, а онъ все пилъ, все сосалъ красную влагу.. Мы что есть мочи погнали лошадей.. Но скоро догналъ насъ почти голый, весь въ крови, киргизъ и опять опередилъ..

Мѣстность пошла ровной полосой, лишь изрѣдка выступали, какъ вѣрные стражи пустыни, горбые курганы-холмы и съ нихъ далеко вдали чернѣлась темная длинная лента, а за ней чуть видно—зеленая полоска,—то лѣса саксаула съ дебрями непроходимыхъ камышей по быстрому Чу..

Уже солнце пряталось за высокимъ курганомъ песка, остывали жгучія ласки пустыни, запахло свѣжестью, когда показался аулъ съ холодными колодцами...

Умуртай поскакалъ впередъ и крикнулъ народъ... Проводникъ ринулся было въ колодцу, но его мигомъ окружили и сейчасъ же начали лить на него холодную воду, а ватѣмъ дали чашку воды.

— Еще, еще,—шепталъ, задыхаясь, кир-

гизъ, блуждая безумно глазами, дрожащими руками обхвативъ пьалу...

Но ему не давали, а медленно, съ остановкой, поили... Наконецъ, до сыта напоенный, здѣсь же свалился несчастный и сейчасъ, же заснулъ... Его оттащали въ сторону отъ колодца, накрыли лохмотьями и такъ оставили...

Шумно расходилось довольно многочисленное населеніе большого аула, крикливо переговариваясь о происшедшемъ...

Юрта, куда насъ любезно пригласилъ представительный старикъ, была крайне грязна и поражала своей бѣдностью. Я пристально взглянулъ на народъ, набившійся биткомъ въ кибитку, и внутренно содрогнулся: большинство мужчинъ были съ безобразными лицами, съ двумя черными впадинами вмѣсто носовъ, блѣдые, изнуренные, сгорбленные; женщины, дѣвушки испитыя, старыя, какъ столѣтнія старухи, а дѣти съ какимъ то отвратительно болѣзненнымъ видомъ... И всѣ они съ грязными тряпками вмѣсто поясовъ на страшныхъ язвахъ лица и тѣла, въ смрадныхъ рубищахъ, съ лихорадочно блестящими глазами, бѣлыми громадными оскаленными зубами, напоминали толпу гніющихъ живыхъ мертвецовъ... И смрадомъ дышали ихъ чахлыя груди...

Гр. Андреевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ пескахъ Муюнь-кума.

(Окончаніе*).

IV.

— Это, навѣрное, аулъ сифилитиковъ¹⁾, — подумалъ я. Какъ ни противны, омерзительны казались намъ эти несчастные киргизы, но, не желая обидѣть радушныхъ хо-

*) См. ММ 101 и 104.

¹⁾ Сифилисъ между киргизами съ давнихъ поръ свилъ себѣ прочное гнѣздо и еще задолго до прихода русскихъ сильно былъ распространенъ между ними.

Право вступленіе въ бракъ съ близкими родными, грязь киргизской обиходной жизни, природная безпечность ко всякимъ болѣзнямъ и наследственный индифферентизмъ къ сифилису, его примитивный способъ леченія у нихъ — все это благоприятно дѣйствовало на распространеніе этой страшнѣйшей проказы, сдѣлавъ изъ нея наследственное дѣло многихъ ауловъ...

Обратная сторона „русской“ цивилизаціи — пьянство сильно коснулось киргиза, и завертѣвъ его въ страсти пьянаго водоворота, разрушительной силой обрушилось и на сифилисъ: онъ сталъ выражаться въ болѣе страшныхъ мучительныхъ формахъ и чаще уносить жертвы своихъ вассаловъ... И теперь киргизъ на дорогѣ къ вымиранію...

Конечно, это пока не проверено статистическими данными, но, если вѣрить многимъ почтеннымъ киргизскимъ старожиламъ, помнящимъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ многочисленные роды, которые сейчасъ уже совершенно померли, и принять во вниманіе тщательный просмотръ кибиточныхъ податныхъ записей инспекторовъ, гдѣ каждый годъ на волюсть приходится совершенное исчезновеніе кибитки (она вымерла), то съ увѣренностью можно сказать, что киргизы близки къ поголовному вымиранію.

взавѣ я любопытную толпу, разсѣлись мы на кошмы... И только было занялись обычными разговорами, какъ, расталкивая многочисленныхъ звѣвѣвъ, ворвалась въ юрту растрепанная киргизка. Болѣзненно изморенное лицо почти дѣвочки-женщины но уже съ клеймомъ страшнаго порока... И вся, согнувшись, кинулась она къ намъ и, схвативъ за одежду, потащила къ двери, крича: — урุษъ! урุษъ! Онъ умираетъ! Онъ умираетъ! Помогите!..

Мы двинулись за несчастной.

Посрединѣ особенно ветхой юрты на грязныхъ отрепьяхъ лежалъ пятилѣтній больной сынъ киргизки. На бѣломъ, какъ известнякъ, личикѣ съ тонкими выступающими синими жилками уже смерть запечатлѣла свое страшное имя и если бы не едва замѣтное дыханіе — можно было бы подумать, что мальчикъ уже мертвъ...

Несчастливая мать склонилась надъ нимъ и, прижавшись плоской грудью къ сыну, жалобно плакала, причитая: — не живутъ у меня дѣти, — третій сынъ мой такъ умираетъ... Слабыя родятся они у меня... И какъ я ихъ ни берегу, какъ ни ласкаю, какъ ни прошу Бога, а все умираютъ они у меня на третьемъ — четвертомъ году. И когда засыпаетъ кто-нибудь изъ нихъ вѣчнымъ сномъ, то чернѣетъ его личико, какъ уголь саксаула, и слышится такой же смрадъ, какимъ пахнули мой умирающій отецъ, мать, братья, сестры, родственники...

Худай! Худай!—стонала мать, сжимая въ объятіяхъ умирающаго, а киргизки давно уже подхватили ея рыданья и вивгливо—высоко завывали... И отецъ мальчика съ страшнымъ наследственнымъ видомъ сифилитика, точно желтыми высохшими плетями, цѣплялся руками за наши одежды и жалобно-жалобно молилъ:—помоги, урусь! помоги! помоги, ради Великаго! Русскіе все могут!..

— Одинъ Богъ поможетъ вамъ! отвѣтилъ Умуртай, выбѣгая изъ юрты; мы также бросились за нимъ, а несчастная киргизка, прижимая одной рукой сына къ груди, другой ухватилась за наши ноги и, не выпуская ихъ, билась въ припадкѣ мертвой тоски о прибитый песокъ, хрипло крича: урусь, помоги! урусь!.....

И выбираясь на самый дальній конецъ большаго аула, невольно остановились мы около большой черной юрты.

Возлѣ чадащей, маленькой, безъ стекла лампочки въ кружокъ собралось до двадцати женщинъ и мужчинъ. Трынкала думбра, слышался смѣхъ, пьяные вавизги, ругательства... Пили кумызъ, разбавленный водкой...

И было страшно смотрѣть на веселящихся уродовъ съ черными, червивыми язвами на желтыхъ лицахъ, съ повязанными глазами, провалившимися ртами, съ висящими черными дырами вмѣсто носовъ...

И послѣ трагической смерти несчастнаго мальчика эготъ веселый пиръ живыхъ мертвецовъ рисовалъ огненно-черными красками одну изъ ужасныхъ картинъ ада Данте..

Далеко миновали мы аулъ и, расположившись на барханѣ, постелили собственные попоны, приказали Умуртаю принести воды въ бутылкахъ, и размачивая сухари въ водѣ, молча подкрѣпляли измученныя силы...

Нѣсколько разъ приходили за нами киргизы, предлагая любезно ночлегъ и ужинъ, но мы отказывались и здѣсь-же легли на барханѣ...

Долго не могли мы уснуть—тяжело было на душѣ за несчастныхъ, убитыхъ судьбой, бѣсталаныхъ вѣчныхъ младенцевъ-киргизъ...

И ночь, свѣтлая, съ блестящими неизвѣданными тайниками, чаруя и маня дѣвственной свѣжестью, не сразу могла успокоить насъ своимъ волшебнымъ сномъ.....

Рано утромъ мы повернули, менѣе безплодной дорогой, въ обратный путь.

Что было тамъ, можетъ быть я когда-нибудь расскажу, но саранчи мы такъ и не видѣли...

Гр. Андреевъ.